

Ходит
ЧЕРНАЯ КОРОЛЕВА

ЮЛИЯ НИКОЛАЕВА

Юлия Николаева
Ходит черная королева
Серия «Мой напарник
Шерлок Холмс», книга 2

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67974809

Ходит черная королева:

Аннотация

Таинственные звонки с обвинениями в убийстве, блуждающие по замку привидения, непонятные отношения между членами семьи – вот что ждало меня, когда я согласилась разрисовать комнату в особняке. К тому же его хозяин интересуется моего друга сыщика Сашу Ветра, и я буду не я, если не узнаю, что за тайны скрывает король этого замка. Только ещё не знаю, какую боль эти тайны принесут лично мне.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	17
Глава 3	27
Глава 4	39
Глава 5	50
Глава 6	63
Глава 7	77
Глава 8	90
Конец ознакомительного фрагмента.	92

Юлия Николаева

Ходит черная королева

Глава 1

Опять его глаза напротив. Наглый, пошлый, обезоруживающий взгляд. Взгляд, от которого я схожу с ума. Который как будто сигнализирует: готовься, сейчас нам будет очень горячо. И неважно, что было до этого. Неважно, что мы ругались, спорили, кричали.

В конечном итоге я оказываюсь у стены, он напротив меня. Так близко, что я чувствую запах его кожи, запускаю руки в волосы, тяну, чтобы его губы были еще ближе к моим, еще ближе, чтобы выпить без остатка. Сгореть в пламени страсти, отдаваясь ему, крича от наслаждения...

Звонок ворвался в эту агонию совершенно не к месту. В одно мгновение смазал картинку, спугнул бушующие эмоции, хотя я и хваталась за них, надеясь, что обойдется. Не обошлось. Агония закончилась, звонок остался.

Я резко села на кровати, пошатываясь от сна и не открывая глаз, нашарила рукой телефон. Это был не он. Потрясла головой, сгоняя морок сна. Что за фигня? Комната тонула в темноте, звонили в дверь. Ну это вообще что-то из ряда вон. – Я уже готова растерзать тебя, кто бы ты ни был, – про-

бурчала, шлепая босыми ногами в сторону двери.

Терзать, кстати, было за что. Наслаждаться подобными откровенными сценами я могла только во снах. Наслаждаться, если брать в расчет, что в этой сцене буду я, конечно. Кроме меня, как ни прискорбно признавать, там обосновался и Черненко.

С тех пор, как наши судьбы снова пересеклись, он, видимо, решил, что имеет на это право. Впрочем, в чем-то я была даже благодарна этим снам. Они точно были лучше кошмаров, в которых фигурировала моя севшая в тюрьму подруга.

Прошло уже три месяца с того дня, как она сдалась. Ее судили, дали тринадцать лет, и теперь она в тюрьме. А я мучаюсь мыслями о том, что в этом есть моя вина. Это ведь я к ней пришла, вытрясла из нее правду. Она могла сбежать, я уговорила бы Ветрова замять дело... Но я не смогла, и теперь моя подруга сидела в тюрьме, а я на свободе мучилась угрызениями совести.

Поначалу на меня напала бессонница, которая, конечно, выматывала, но зато повысила мою производительность. Будучи не в силах уснуть, я садилась за работу и перевыполняла планы.

Потом бессонница уступила место кошмарам. И когда отчаяние начало подбираться к критической отметке, внезапно пришло спасение: Черненко собственной персоной вкупе с самыми пошлыми вариантами развития событий. Черт знает, что в моем сознании решило, что сцены страсти меня

успокоят, но они были точно лучше кошмаров.

Тем более что встречаться с Черненко иначе мы не могли. После случившейся истории один раз выпили кофе, с трудом поддерживая беседу, и разошлись на мутной формулировке “созвонимся”. Конечно, Вадим не звонил, я тоже.

Еще спустя месяц наше случайное столкновение стало казаться глупой ошибкой. Мы хватались за прошлое, которого уже не было. Черненко стал успешным бизнесменом, красивым мужчиной из тех, что взглядом города берет.

Я же застряла в неопределенном состоянии с нечеткими жизненными позициями. Кажется, это называется течь по течению. В моем случае и течения особенно не наблюдалось, как и желания по нему плыть.

Зато у кого желания было не отнять, так это у звонящего в дверь. Я открыла, даже не глядя в глазок, наверное, из-за сонного состояния. И кстати, удивилась, хотя и не так сильно. На пороге стоял Ветер.

Этот странный субъект появился в моей жизни около трех месяцев назад. Появился феерично, перевернув все с ног на голову. В нашем городе он считался доморощенным Шерлоком Холмсом, к нему многие обращались за помощью, невзирая на то, что услуги стоили недешево.

Ветер оказался персонажем чудаковатым, и к своей роли Шерлока отнесся со всей серьезностью: забацал дом, как у персонажа, завел экономку и перенял страсть к перевоплощениям. Надо сказать, с таким же размахом он подходил ко

всему в своей жизни, а потому человеком слыл неординарным, и найти язык с ним мог далеко не каждый.

Нам вроде бы это удалось, пока мы на пару вели расследование. После его окончания виделись регулярно, вели незначительные разговоры, пили чай, шутили, философствовали... Но я так и не могла понять, относит ли он меня к кругу своих друзей. Да и я его относила ли? Слишком он был неоднозначным.

Например, мог ввалиться среди ночи в костюме сутенера, вот прямо как сейчас. Причем сутенером он был в лучших традициях американских комедий, даже шуба присутствовала, точнее меховой жакет, накинутый на плечи. Натянуть в конце сентября шубу не смог бы даже самый придурковатый сутенер.

Волосы были зализаны назад, на глазах большие очки с прозрачными стеклами без диоптрий, на груди цепь и в левой руке блондинка из тех, что любит погорячее. Проститутка, если по существу, хоть и силится выглядеть прилично.

То, что передо мной Ветер, я, скорее, догадалась, потому что сутенеру в моей квартире просто нечего делать. А вот догадываться, зачем товарищ пожаловал, не хотелось совсем, потому, прислонившись к косяку и сложив на груди руки, я поинтересовалась:

– Адресом не ошибся? Бордель через два дома на соседней улице.

Ветер хмыкнул, подняв очки на голову, ответил:

– Я тоже рад тебя видеть. Есть дело.

– Я так и поняла, – усмехнулась я, пропуская парочку внутрь. Представляю, что сказали бы соседи, увидев эту компанию.

В квартире девица стремительно потеряла проститутские замашки и скромно разместилась в кресле, Ветер сел на диван, я опустилась рядом с ним.

– Внимательно слушаю, – заметила ему.

– Ирэн, нужна помощь. Так сложилось, мне необходимо быть в ночном клубе в этой ипостаси. Карина будет искать контакт с моим визави, а мне нужна компания для образа, так сказать. А то что за сутенер без любимой женщины?

– Не понимаю, куда ты клонишь.

– Клоню к тому, чтобы ты сыграла мою спутницу.

– Под спутницей ты имеешь в виду проститутку?

– Точно. Ситуация, правда, критическая, времени мало, а ты рядом живешь...

Он невинно захлопал сутенерскими глазами, я покачала головой. В его жизни всегда что-то происходит, но стоит ли меня втягивать в свои делишки? Я уже несколько раз чуть не огребла ни за что, ни про что. Повезло тогда, не значит, что повезет сейчас.

Кого я обманывала, непонятно, потому что спустя сорок минут входила с черного входа в ночной клуб, держа Ветра под руку. Чувствовала себя не очень уверенно. В большей степени потому, что на мне был обрез ткани, который кто-то

посчитал платьем, поверх него кожанка, плюс чулки в крупную сетку и туфли на высоком каблуке. Раскрас более чем боевой, благодаря ему я была почти неузнаваема. Ну и благодаря блондинистому парикю тоже.

Моей основной задачей было глупо хихикать и виснуть на Ветре, с этим уж я справиться могла. В кабинете, куда нас проводил охранник, было двое мужчин. Выглядели представительно, оба в костюмах, и вообще сразу видно, что дяди серьезные.

Обоим около сорока пяти, но были они как земля и небо. Первый невысокий седоватый и в очках, напоминал милого пухлого дядюшку, который чувствовал себя в этой компании очень неудобно. Мужчина то и дело оттягивал узел галстука, и к концу разговора тот висел у него на груди. Явно нервничал и потел, из чего я сделала вывод, что подобные мероприятия для него в новинку.

Зато второй... Вызывал почти восхищение. Высокий, подтянутый, широкие плечи обтянуты идеально отглаженной рубашкой. Правильные черты лица немного обтесаны мужской грубостью, которая придает образу особую привлекательность. Темные волосы, совсем не тронутые сединой, коротко стрижены, уверенный взгляд голубых глаз, легкая улыбка, застывшая в уголках губ, и спокойствие.

Вот кто в этой комнате был уверен в себе на все сто, так этот мужчина, однозначно. Внимание его было отдано разговору, но несколько раз я поймала на себе быстрые взгляды, в

которых, правда, не усмотрела мужского интереса. Зато этот мужчина мог вскружить голову женскому созданию любого возраста.

Пока я хихикала, поглядывая на красавца, беседа успела закончиться. Честно сказать, я пропустила ее суть, но не сильно расстроилась. Меня это все равно не касается. Карина, которая в клубе стала Кэрри, осталась с мужчинами, а мы с Ветром удалились. До выхода из клуба я по-прежнему висела у него на локте, хихикая, как идиотка, но как только мы оказались на парковке, отлепилась и улыбаться перестала.

– Миссия выполнена? – поинтересовалась, складывая на груди руки.

– Ты была неподражаема. Точное попадание в образ.

– Я и обидеться за такое могу. Ладно, Ветер, я отбываю домой, в объятия Морфея.

Я стянула парик и сунула его в руки Саше, распустила короткий хвост, взлохматила свое каре.

– Карина должна появиться с минуты на минуту, – заметил Ветер. – Если подождешь, подкинем тебя домой.

– Обойдусь, на такси доеду.

Сделав ручкой на прощание, я потопала ближе ко входу. Обычно там паслись таксисты, но сейчас, как назло, не оказалось ни одной свободной машины. Придется вызывать через приложение.

Отойдя в сторону, я включила телефон, и пока он загружался, разглядывала стену перед собой, очень надеясь, что

никому не придет в голову со мной знакомиться. А то и похуже – снять меня.

– Ирина?

Так и замерла, мысленно простонав. Лучше бы меня попытались снять, чем это. Пусть я обозналась, пусть обозналась. Аккуратно повернулась: нет, не обозналась. В паре метров от меня стоял Черненко в компании мужчины лет тридцати пяти.

Первый смотрел в обалдении, второй с интересом.

– А я подумал, что обознался, – Вадим приблизился, я неуверенно улыбнулась. – Хорошо выглядишь.

Отвратительный комплимент.

– Ты в клуб или...

– Домой, – закончила я, показав взглядом на телефон в руках. – Как раз такси собиралась вызывать.

– Давай подвезу.

Вот черт. Даже не знаю, как отказать.

– Наверное, это не очень удобно, – я покосилась на мужчину, который пытался не смотреть на мое тело. Это было реально сложно.

– Мы как раз расходились. Подожди минуту.

Вадим быстро попрощался со своим товарищем, и мы пошли в сторону парковки. Точнее, я обреченно поплелась следом. Ну почему, почему именно Черненко? Вот кто угодно другой мог выйти из клуба и не обратить на меня внимания. Или обратить. Но вышел именно Вадим.

Впрочем, это мало что меняло в наших отношениях. Разговор в машине не особенно клеился, я предпочитала смотреть в окно, развернувшись в его сторону по-максимуму. Это не мешало Черненко кидать взгляд на мои ноги. Платье было таким коротким, что виднелась не только полоска чулок, но и кожа.

Оставалось смириться с тем, что я в глазах Вадима выгляжу шлюховатой и, вполне вероятно, жалкой. Что он подумает? Что я таскаюсь в таком виде, цепляя мужиков? Стыд, да и только. Ну зато теперь можно будет не переживать на тему наших несостоявшихся взаимоотношений. Они уже точно не состоятся.

– Спасибо, что подвез, – улыбнулась я, когда мы остановились рядом с моим подъездом.

Добавлять ничего не стала, но Вадим вылез следом и прошел со мной до подъездной двери, чем заставил нервничать. Я достала ключ от домофона, еще раз поблагодарила Черненко, добавляя:

– На чай не приглашаю, все-таки ночь на дворе.

Он нахмурился, а потом притянул за талию и поцеловал. Вот так с налету, без каких бы то ни было намеков и вопросов. Может, я вообще не хочу?

Ладно, я хотела. Ответила, зарываясь руками в его волосы. Вадим прижал меня к холодной двери, но я этого даже не заметила. В голове уже царил дурман, через который назойливо пробивался внутренний голос:

“Очнись! – вопил он. – Что ты творишь? Вадим не объявлялся несколько месяцев, и тут увидел тебя в платье “рада каждому” и решил воспользоваться моментом. Ты не такая. Тебе это не надо. Немедленно перестань, пока еще не поздно”.

Где-то в глубине души мне хотелось ответить, что я как раз такая, а целоваться с Черненко – это именно то, чего мне так не хватало, но понимала: прав мой внутренний голос, мать его.

Потому отстранилась и сказала то, что должна была:
– Вадим, давай не будем.

Он разглядывал меня, тяжело дыша. Его лицо было так близко, и мои ладони лежали на его шее, а большими пальцами я инстинктивно водила по жесткой коже щек. Некстати подумала, что он только недавно побрился. Некстати, потому что за этой мыслью потянулась еще одна: у него есть своя жизнь, и меня в ней нет.

– Наверное, ты права, – тихо ответил Вадим, я кивнула, убирая руки. Отстраняться мне было некуда, поэтому отступил он.

– Спасибо, что подвез, – сказала еще раз, открывая дверь в подъезд.

Он кивнул, я улыбнулась, дверь закрылась, отрезав нас друг от друга. Я прислонилась к ней лбом, вздыхая и прикрывая глаза. Самое обидное, что эта дверь мало что меняла. Мы с Вадимом были разделены миллионом подобных желез-

ных дверей, каменных стен, непробиваемых стекол. И даже сейчас, когда целовались, они не рушились. Всё – иллюзия. Отголоски прошлого, которые не дают покоя.

Медленно поднялась на нужный этаж, чувствуя себя очень уставшей. Даже клоунада с Ветром забрала куда меньше сил, чем встреча с Вадимом. Лучше было, когда мы жили в разных измерениях и при возможной встрече готовы были пройти мимо друг друга, не заметив. Однозначно, так было бы куда более правильно.

– К черту, – буркнула я, бросая ключи на тумбочку.

– Не надо к нему торопиться.

Я вздрогнула, но тут же громко выдохнула. Закрыв дверь, прошла в комнату и зажгла свет. Ветер сидел, шурясь, в кресле. На нем были светлые джинсы и толстовка с большим капюшоном, честно сказать, в таком облике он выглядел куда более непривычно.

– Жить без меня не можешь? – съязвила я.

– Карина обитает неподалеку, я решил удостовериться, что ты в порядке. Как видишь, приехал даже раньше тебя.

– А если бы я с парнем пришла? – кинула я, проходя к окну. Двор был пуст, Черненко покинул и его, и мою жизнь, судя по всему.

– Планировала переспать с бывшим?

Вот он ничуть не удивил.

– Нет, хотела подцепить придурка, которому нравятся псевдопроститутки.

– Значит, точно с бывшим.

Я повернулась к нему, бросая уничижительный взгляд, Ветер сделал невинное лицо, но в глазах плясали черти. Вот те самые, к которым он так советовал не спешить.

А я взяла и ляпнула, приблизившись:

– Ты любил когда-нибудь?

Черти спрятались, и воцарившаяся в глазах серьезность пугала настолько, что у меня даже мурашки побежали. Ветер поднялся, оказавшись со мной лицом к лицу.

– А что такое любовь, Ирэн? – спросил, щурясь. Я растерялась. Глобальный такой вопрос, на который сложно ответить. Но Саша, к счастью, не ждал этого ответа. – Любовь – это жертва. Это когда ты готов отдать свою жизнь за жизнь того, кого любишь. И когда при этом не ждешь ничего взамен. Любить по-настоящему – трудно. Потому что когда ты любишь... – Саша замолчал, отойдя к окну, я смотрела на его спину, хмурясь, чувствуя внутри странную горечь. – Потому что когда ты любишь, – повторил он, – все, чего ты хочешь, чтобы тот, кого ты любишь, был счастлив.

На несколько секунд воцарилась тишина, и я могла поклясться, что Ветра сейчас нет в этой комнате. Он унесся мыслями куда-то очень далеко. В другую жизнь. Жизнь, которой больше нет.

– Иногда любовь заключается в том, – проговорил Саша тихо, но я услышала, – чтобы тебя не было в жизни этого человека.

Снова воцарилась тишина, тяжелая, давящая, она сузила пространство до нас двоих, и теперь казалось, что я просто не могу сдвинуться с места. И внутри плавилась странная боль, боль за Ветра, и как будто немного его боль, которую я чувствовала через сказанные слова. И не знала, что ответить.

Саша повернулся, криво усмехаясь.

– Давай лучше о чем-то более реальном, Ирэн.

Глава 2

И хотя то, что он говорил, было более чем реально для нас обоих, я поддержала его сейчас. Улыбнулась, разглядывая. Он всегда казался мне странным. Несмотря на правильные черты лица, Ветер не был красавцем, но внимание привлекал однозначно. Харизматичные – говорят про таких. Я бы даже сказала, что Ветер символизировал собой всю харизматичность этого мира.

У него были невероятные глаза, ярко-зеленые, от них было сложно оторвать взгляд, просто тонешь в омуте, зная, что не доберешься до дна. Пройти мимо него было невозможно: кривая усмешка, пронзительный взгляд, размашистые движения – все это привлекало внимание. Если этого хотел Ветер. Если нет – вы никогда его не заметите. Даже не пытайтесь.

Я уселась в кресло, в котором только что сидел он, и сказала:

- Давай о реальном. Начнем с того, что ты врун.
- Что? Я? – он заулыбался.
- Ты, ты. Уверена, в твоём окружении найдется миллион девиц, готовых сорваться среди ночи в костюме проститутки даже на Северный полюс. А значит, меня ты выбрал с какой-то целью. Хотелось бы знать, с какой. Хотя идея есть: пытаешься спасти меня от себя самой, так?

– Я далек от альтруизма настолько же, насколько Ницше был далек от Бога, – хмыкнул на это Ветер, присаживаясь на подоконник. – Ты просто оказалась под рукой, не стоит искать тайные смыслы, обычно все намного проще. Кстати, что скажешь о самой встрече? Как впечатления?

– По большей части я любовалась тобой.

На этих слова я ушла в ванную и стала смывать макияж. Ветер застыл на пороге, опершись плечом на дверной косяк.

– Ну а наши оппоненты?

Я пожала плечами.

– Мужики как мужики. Толстый явно чувствовал себя не в своей тарелке, так нервничал, что только неприятное впечатление оставил.

– А второй оставил приятное? Интересно, чем?

Я снова пожала плечами.

– Уверенностью в себе.

– Что-то еще?

– Ну... Наверное, они бизнесмены.

– Это все? – усмехнулся Ветер. Я умылась теплой водой, вытерлась и сделала глубокомысленное лицо.

– Было еще что-то невероятно важное. Это второй жгучий брюнет. И я тоже. Совпадение? Или знак?

Ветер только глаза закатил, пропуская меня из ванной. Мы вернулись в комнату, и я спросила:

– Так что, сознаешься, зачем затащил меня в клуб?

Саша задумчиво поглазел на мои обои, а потом выдал:

– Поеду, пожалуй. Приходи завтра ко мне обедать. К часу.

И развернувшись, потопал на выход, оставив в некотором недоумении. Ждать меня Ветер не стал, ушел, тихо закрыв дверь.

– Чертовщина какая-то, – буркнула я в итоге и пошла закрывать дверь. – И вообще, мне это все неинтересно.

Оказалось, еще как интересно. Потому что я до утра не могла уснуть, ворочаясь и думая о Ветре. Первый месяц после нашего знакомства такое происходило регулярно, потому что Саша относился к категории людей, жизнь которых была покрыта неясностью и загадками.

В нашем городе Ветер появился неизвестно откуда, и о прошлом его никому ничего не известно. У него нет родных, приближенный человек – Инна Сергеевна, исполняющая роль экономки великого сыщика. Как вариант: они оба чокнутые (ну напрашивалось же, правда?). Друзья – под большим вопросом, не уверена, что тех, кого я видела, можно отнести к этой категории. Тот же Святослав, который помогал Ветру, категорично заявил, что Саша ему не друг.

Кто же такой Саша Ветер? Почему его жизнь овеяна тайнами? Что скрывает он в своем прошлом? Откуда приехал? И просто ли приехал или... сбежал? А если сбежал, то почему? И вообще, у него хотя бы имя настоящее? Что уж говорить про фамилию... Интернет о Саше Ветрове, по крайней мере, моем, не знал ничего, и мне оставались только слухи, которые я выискивала во время нашего с ним расследования.

Да, Ветер помог мне выпутаться из опасной истории, с ним я нашла ответы на все возникшие вопросы. И с ним же получила множество вопросов, на которые не было ответов.

Еще больше удивляло, что я вдруг оказалась в его круге общения. Вряд ли мы были близкими друзьями, не думаю, что Ветер вообще подпускал кого-то близко. Но определенно, я вызывала у него необъяснимый интерес. Необъяснимый для меня, потому что я долго рассматривала себя в зеркало и размышляла, какую такую особенность Ветер во мне разглядел, но четкого ответа не нашла.

В конце концов, пришла к выводу, что кажусь забавной, и ему любопытно за мной наблюдать. Почти уверена, что в один прекрасный момент я окажусь выброшена из его жизни так же ловко, как выкидывает всех девиц Инна Сергеевна из дома на улице Пирогова.

Наверное, эта мысль и заставляла меня идти на поводу у бредовых идей Ветра вроде той, что он выкинул ночью. Ощущение кратковременности нашего общения на фоне нескончаемых тайн, которые его окружают.

Телефон зазвонил в 11:30, а уснула в итоге около шести. Отлично. Не поеду я никуда. Не открывая глаз, потянулась за мобильным и столкнула его на пол, он отлетел в противоположную сторону комнаты и теперь злорадно звенел оттуда. Стало ясно: придется вставать.

Собиралась я по-спартански: прохладный душ, кофе и бежать к скутеру. Без пятнадцати час уже звонила в коло-

кольчик над входной дверью. Дверь открыла Инна Сергеевна, окинула быстрым непроницаемым взглядом и заметила, пропуская:

– Александр Геннадьевич в кабинете. Можете туда пройти.

Кабинет, точная копия кабинета Холмса с Бейкер-стрит, был мне уже знаком. Ветер сидел на подоконнике, зажав в зубах самокрутку. На его коленях покоилась перевернутая гитара, а сам он размашисто писал что-то на листке, лежащем на деке.

– Роман сочиняешь? – поинтересовалась я насмешливо, опускаясь в низкое кресло перед столиком, на котором судя по расстановке, шла игра в шахматы. – Или ходы записываешь? Саша Ветер против Саши Ветра. Кто же победит на этот раз? – я придала голосу тревожные интонации, Ветер рассмеялся, откладывая гитару. Устроился напротив меня, судя по всему еще не ложился спать, вид имел немного чумной. Поставил палец на черную фигуру и сказал:

– Это король, Ирэн. А это, – перевел палец на другую черную фигуру. – Это королева. Только она об этом не знает. И ведет себя неподобающе, то есть делает, что хочет, ни с кем не считаясь. Даже с королем.

Хотя Ветер говорил о фигурах и их ходах, мне чудилась за всем этим некая аллегория. Я всматривалась в его глаза, красные прожилки в которых подтверждали мысли о бессонной ночи, пытаюсь понять, что он хочет сказать на самом де-

ле. Дым от зажатой в его зубах самокрутки поднимался тонкой струйкой вверх, а на словах Ветра дергался и растворялся без следа. И во всем этом: в словах, взгляде, дыме, – мне чудилось что-то нехорошее, чему я не могла найти точных слов для описания. Словно поддавшись игре, спросила, не сводя с Ветра взгляда:

– Может, не зная, кто она, королева будет счастливее?

Лицо Саши на мгновение исказилось, словно ему стало больно, словно он хотел согласиться со мной и не мог.

– Знать правду – право каждого. Хотя не каждый хочет пользоваться этим правом. Но иногда... Иногда право становится обязательством. Бывает правда, которую необходимо знать.

Ветер сделал ход белой фигурой, съедая черную королеву. И следом походил черным королем. И смотрел куда больше на меня, чем на доску перед собой. И от этого становилось еще больше не по себе. Черный король встал на клетку, громко ударившись о деревянную поверхность доски. Я вздрогнула, Ветер откинулся на спинку кресла, вытащив окуроч, затушил его в пепельнице и сказал:

– Шах и мат, Ирэн. Черный король пожертвовал своей королевой, чтобы выиграть битву. В жизни такое часто случается, правда?

Он улыбнулся, его улыбка как будто развеяла сумрак, царящий вокруг нас, хотя умом я понимала, просто остатки дыма растворились в комнате. Но все равно как будто стало

легче дышать.

– Дурацкие у тебя игры, Саша Ветер, – заметила, откидываясь в кресле.

– Я просто рассказывал тебе о том, как играют в шахматы.

– А я думала ты с помощью них пытаешься раскрыть очередное преступление.

Саша, усмехнувшись, вернулся на подоконник и, взяв гитару, стал наигрывать ложасьуюся на слух мелодию.

– Мне нужна твоя помощь, – сказал, глядя на меня.

– В чем?

И снова молчание, только мелодия вырывается из-под ловких движений пальцев, заполняя собой комнату. И внимательный Сашин взгляд, изучающий, словно Ветер решает прямо сейчас: стоит ли обращаться ко мне или все же отпустить с миром.

– Пообедаем, – резко оборвал он мелодию, снова откладывая гитару. – А потом поговорим.

Пообедать я была не против. По большей части потому, что не успела позавтракать, к тому же что-что, а готовить Инна Сергеевна умела. И конечно, лидировала английская кухня. Полное вживание в образ, так сказать.

– Инна Сергеевна, случаем, не в Англии поварскому делу обучалась? – поинтересовалась я уже за чаем.

– У нее даже заграничного паспорта нет.

– А у тебя есть?

– Конечно, – Ветер сделал глоток. – И не один.

Я только глаза закатила. Глупый был вопрос, однозначно. После чая мы переместились в гостиную, и я с ногами забралась в кресло, спрашивая:

– Выкладывай, зачем ты меня на самом деле позвал.

Саша сделал вид, что обижен до глубины души. Кстати, хорошо вышло, я почти поверила.

– Считаешь, я не могу позвать друга скрасить мой прием пищи?

– А мы друзья? – присвистнула я.

Ветер посерьезнел настолько, что мне стало неуютно. Порзав в кресле, я поспешно добавила:

– Плохая шутка вышла.

Он усмехнулся, откидываясь на спину дивана и укладывая ноги на танкетку.

– Думаю, ты понимаешь, что далеко не всех подпускают так близко.

– Понимаю, – кивнула я. – И постоянно задаюсь вопросом, почему я. Ничего выдающегося за мной не водится.

– А должно? Или думаешь, мне интересно общаться только с умными и экстраординарными? Главное, не выдающиеся способности и не ум, – он перегнулся и коснулся указательным пальцем моей груди слева, – а то, что здесь.

Руку он убрал и продолжил говорить, глядя вперед:

– Самое ценное – душа человека. Но увидеть ее очень сложно. Практически невозможно. Каждый из нас прячется за созданные им самим маски. Даже в общении с близкими

людьми. Мы как актеры в глобальной постановочной игре под названием жизнь, а вокруг нас декорации и предлагаемые обстоятельства. И мы так заигрались, что забыли о том, что на самом деле это только роль. Стали воспринимать все происходящее всерьез, и это... Это нас губит. Мы всерьез плачем над мелочами, которые не стоят даже того, чтобы обращать на них внимание. Мы живем мелочами, Ирэн, в то время, как настоящая жизнь проходит мимо нас. Жизнь без декораций и предлагаемых обстоятельств.

– И ты знаешь, какая она, эта жизнь? – спросила я тихо, не поднимая на Ветра глаза. С полминуты стояла тишина.

– Знаю. Каждый знает. Несет это знание внутри себя, но не может вытащить наружу. По разным причинам: кто-то предпочел забыть о нем, кому-то не хватает сил. Ведь придется все менять, терять людей, привычный мир, такой до боли знакомый, в котором даже неожиданности предсказуемы. Люди не готовы принять, что они нечто большее, чем привыкли полагать. Они соглашаются на выставленные правила игры и живут по ним. Но то, что там, – он снова постукал указательным пальцем по своей груди, – оно выше любых условностей. Рано или поздно оно начинает рваться наружу, и счастлив тот, чья маска не срослась с лицом, потому что он сдастся, не устоит под напором этого потока, потому что ему придется стать собой. Ибо остаться прежним будет означать жизнь трупа, который передвигает ноги. – Он еще немного помолчал и продолжил, глядя вперед. – Я вижу, Ир-

эн, как тяжело тебе под этой маской. Словно к ней привязаны пудовые гири, которые тянут тебя вниз. Я вижу, что ты хочешь сбросить ее с себя. И в этом твоя главная ценность.

Воцарилась тишина. Я пялилась куда-то перед собой, пытаясь осознать слова Ветра. Самое парадоксальное, что я не чувствовала отторжения от сказанного. Наоборот, эти слова словно наслаивались на мои обрывочные мысли и чувства, собирали их в единое целое, подтягивали, выстраивая предложение за предложением. И наконец получился осознанный текст, оформилась мысль в голове, перестав быть лишь хаотичным набором слов.

А еще я помнила эту жизнь без масок. Тот короткий миг, когда я была счастлива и открыта миру. А он ударил по мне, сломал, заставил перекроить себя и надеть маску. И как бы она ни была тяжела, куда страшнее та боль, что осталась в прошлом. Боль, к которой я ни за что не хотела возвращаться. Боль, за которую Ветер, как оказалось, меня и ценил.

Я так глубоко погрузилась в эти мысли, что не услышала вопроса Ветра, подняла на него взгляд, он повторил:

– Говорю, как насчет того, чтобы немного подзаработать?

Глава 3

Я захлопала глазами, потому что еще пребывала в состоянии саморефлексии. Общение с Ветром – это прямо как в русской сказке: сначала в ледяную воду, потом в кипящую, – так и кидает из состояния в состояние.

– Подзаработать? – переспросила непонимающе.

– Одна моя знакомая ищет художника. Хочет расписать комнату в восточном стиле, дама увлекается йогой.

– И?

– Ты бы могла взяться за эту работу.

Я искренне рассмеялась.

– Я не бралась за краски много лет.

– Самое время вспомнить, каково оно. Тебе дадут рекомендацию, можешь не переживать, никто в твоём таланте сомневаться не будет. Я, кстати, и без рекомендации не сомневаюсь, просто ищу способы не дать тебе отказаться.

– А если я все же не справлюсь и запятнаю твоё честное имя?

Ветер рассмеялся, туша окурок в пепельнице.

– Во-первых, имя у меня не такое уж и честное. Есть люди, которые всерьёз считают меня самоуверенным пронырой, который дерет бабки ни за что.

– А они с тобой работали?

– По большей части нет. Тем, кто работал, не понрави-

лось, что я не готов покрывать их грехи и способствовать темным делам. Вот они и пускают слухи, а слухи, конечно, не остаются без внимания.

– Верю. А во-вторых?

– А во-вторых, – он снова перегнулся ко мне и прошептал, – я, Ирэн, вообще ничего не боюсь.

Я захлопала глазами, Ветер весело рассмеялся, вставая и потягиваясь.

– Ты самый несносный человек в мире, – проворчала я.

– Знаю. Так я позвоню знакомой, скажу, что ты согласна?

– Тебе-то это зачем? – я поднялась и встала напротив него. – Очередной акт спасения моей заблудшей души?

– Ты обо мне слишком хорошего мнения. Мне обещали процент.

– Идиот, – хмыкнула я, шлепнув его по руке.

– Так что?

– Я подумаю, вечером дам ответ, хорошо?

– Как скажешь, Ирэн.

До вечера я работала, хотя в голове так и стояло предложение Ветрова. Нет, это полное безумие. Это ведь даже не картину написать, а целую комнату. Я за эти годы максимум наброски на полях делала. Однозначно не справлюсь. Даже не стоит думать об этом.

Я попялилась в монитор, а потом вытащила несколько листов бумаги и стала делать наброски. Это же меня ни к чему не обязывает. Просто представляю, что бы я могла пред-

ложить по этому проекту. Это интересно, просто интересно, хотя и не реально для меня.

Когда зазвонил телефон, я осознала, что прошло несколько часов, и я перевела уйму бумаги. Покачав головой, сняла трубку и ответила Ветру:

– Я согласна.

– Выйти за меня замуж?

– Очень смешно.

– По-моему, действительно, смешно. – Саша усмехнулся, но добавил серьезно: – Тяжело бегать от себя, да?

– Ни от кого я не бегаю. Договорись с этой своей знакомой о встрече, чтобы мы могли обсудить все детали.

– Завтра она будет ждать тебя в два часа.

Я только рот открыла от изумления.

– Ты уже договорился с ней?

– Конечно. Ирэн, пора осознать, что я неплохо тебя знаю, и был уверен, что ты согласишься еще до того, как предложил.

– Наглый, наглый Саша Ветер, – я все-таки улыбнулась.

– Ага. А ты еще про честное имя затирала. Ладно, о деле. Даму зовут Савицкая Алена Дмитриевна, сорок семь лет, не замужем, детей нет. Несколько лет назад ее настигла мысль о просветлении, за коим она отправилась в путешествие по восточным странам. Спустя время вернулась одухотворенной настолько, что не видела возможности не поделиться своими знаниями с другими. Теми бедными и ущербными, которых

истина обошла стороной.

– Тебе восток не по душе, что ли? – не удержалась я.

– Восток мне по душе, а вот модные веяния, расцветающие в нашей стране, заставляют мыслить скептически. Впрочем, речь сейчас не о том. Рекомендацию тебе, если что, дал Вострицкий Геннадий Михайлович.

– А он в курсе?

– Конечно. Но о нем речь не должна зайти, так что не переживай на эту тему. Меня не упоминай, я к этой истории никаким боком. Да и вообще, никакую Ирину Рябинкину в глаза не видел.

– Само собой. Ты же загадочный и неуловимый Саша Ветер.

– В точку. Адрес скину смс. Это загород, но на машине всего десять минут, в твоем случае двадцать. Савицкая делит дом с семьей младшей сестры, так что не удивляйся. Телефон тоже скину, и на том моя миссия выполнена.

Данные он мне выслал, но я еще минут двадцать собиралась с духом, прежде чем созвониться с Савицкой. Было страшно до чертиков, а вдруг действительно не получится?

Одно дело наброски карандашом сделать, совсем другое – воплотить проект в реальность. Да и я ведь столько лет за кисти не бралась. Черт, боязно.

С другой стороны, ну не получится, и ладно. Верну деньги, и мы разойдемся в разные стороны. Зато какой опыт будет. Все-таки я действительно соскучилась по художествен-

ной деятельности.

Без десяти два я притормозила возле дома, указанного в адресе. Хотя назвать домом его язык не поворачивался. Это был трехэтажный особняк, стилизованный под замок, окруженный высоченным забором, из-за которого я могла видеть только верхний этаж и башни.

Поселок действительно находился сразу за чертой города, но жил обособленно. Располагался он в низине возле озера, и при въезде с дороги открывался живописный вид. Все дома были из дорогих, окружены высокими заборами, но больше всех выделялся именно этот особняк. Наверное, потому что с дороги напоминал сверкающий на солнце рыцарский замок с остроконечными башнями с двух сторон.

Когда поняла, что это и есть дом Савицкой, снова засомневалась в идее Ветра. Дамочка, живущая в таком доме, вряд ли хочет связываться с никому не известной художницей, у которой даже портфолио нет. С другой стороны, я же по волшебной рекомендации, может, до портфолио и не дойдет?

Я нажала кнопку домофона, ответил женский голос:

– Слушаю вас.

– Добрый день, я к Савицкой Алене Дмитриевне, она должна меня ждать. Ирина Рябинкина.

Тут же раздался щелчок, вместе с которым женщина добавила:

– Проходите, пожалуйста.

Недолго думая, я загнала скутер через калитку во двор и разместила в сторонке от входа. Огляделась, шествуя по мощеной дорожке к дверям. Сад был чудесен: высаженные по периметру вековые сосны, розовые кусты обрамляли дорожки, уходящие за дом, чуть в стороне шикарная летняя веранда с гамаком, креслами-качалками и диванчиком, заваленным маленькими подушечками.

А еще сверху я заметила личный причал, который сейчас был скрыт забором, в нем виднелась калитка, за которой, видимо, был выход прямо к озеру. Да уж, местечко и впрямь райское, что тут скажешь.

Мне пришлось ускориться, потому что открылась дверь, и я увидела домработницу, женщину лет тридцати пяти, высокую стройную брюнетку, затянутую в серую униформу с белым передником.

– Идемте, – заметила она, поздоровавшись, – Алена Дмитриевна вас ждет.

Как только мы оказались внутри, я ощутила свою неуместность. Дом был шикарен до невозможности. Потолки высотой больше четырех метров украшали большие висячие люстры, мебель дорогая, есть антиквариат, на стенах картины известных художников, даже сходу не сказать: копия или оригинал. Я уже ничему не удивлюсь.

И я собралась писать в этом доме комнату? Ну и самомнение у меня, однако. В большом зеркале поймала свое отра-

жение: джинсы в обликпу, олимпийка поверх футболки, на ногах кеды, волосы заплетены в небрежную косу. Бледновата и не накрашена, ибо считала, что красоваться не перед кем. Да уж и начистоту, в обычной жизни я редко пользуюсь косметикой.

Мы прошли в левое крыло и поднялись на третий этаж, где находился кабинет Савицкой, в который меня пустили, предварительно осведомившись, можно ли. Даже не знаю, что бы мы делали, если бы нам ответили отказом.

В кабинет я вошла несмело, а там и вовсе застыла, изумленно оглядываясь. Ветер вот это имел в виду, когда говорил, что женщина увлеклась востоком? Казалось, что владелец кабинета – свихнувшийся на этой теме Плюшкин.

Стены были увешаны коврами, картинами, гобеленами соответствующей тематики, на причудливо изогнутых полках толпилось множество статуэток. Книжный шкаф был под завязку забит.

– Здравствуйте, Ирина, – услышала я и от неожиданности вздрогнула, поворачивая голову.

Савицкая поднялась из кресла, стоявшего в нише, куда падало мало света. Вышла на освещенное свечами и развешанными лампами пространство, и я смогла признать, что Алена Дмитриевна дама весьма колоритная.

Она была в теле, и, видимо, пыталась скрыть недостатки фигуры за длинным балахоном до пят, в который была облачена. На голове причудливая прическа, на переносице кра-

совалась красная точка, руки были покрыты браслетами и кольцами, а от скулы вниз уходил витиеватый рисунок, исчезающий в вырезе балахона.

Думаю, нарисованный хной, допустить, что Савицкая сделала себе на лице настоящую татуировку, я не смогла. Она была босая, но это уже мелочи, на которые не обращаешь внимания. Опять же, дама дома, не на улицу же она вышла босиком.

– Рада нашей встрече, – голос у Савицкой был грудной, как у оперной дивы, а мою руку она трясла от души, словно эту самую душу и пыталась, собственно, вытрясти.

Одно было ясно: ироничный тон Ветра не полностью отражал степень увлеченности дамы восточными религиями. На вид это была полная клиника, которая, впрочем, никак не помешает Савицкой стрясти бабок с тех, кто придет к ней за просветлением.

В общем, я выдавила максимально искреннюю улыбку, на которую была способна, Савицкая на нее внимания не обратила, потащив меня к креслам.

Очень быстро стало понятно, что имел в виду Ветер, говоря, что о моем попечителе речи не пойдет. Савицкая могла болтать часами, но только на одну тему: о себе и своем даре. Сначала я решила дотерпеть до конца, но минут через пятнадцать стало понятно, что мой конец может наступить раньше, чем конец монолога, потому я умудрилась вклинить и спросить:

– Может, продолжим разговор в студии? Я заодно осмотрюсь.

Савицкая бодро для ее весовой категории поднялась и, не прекращая говорить, повела меня в коридор. Студия находилась на этом же этаже и представляла собой пустую комнату с белыми стенами. На то, чтобы составить понимание, чего же хочет заказчица, я убила часа полтора, начала ненавидеть Савицкую и даже немного Ветра, который втравил меня в эту сомнительную историю.

– О деньгах можете не волноваться, – отмахнулась в конце дама, – тратьте столько, сколько нужно.

Сроков жестких тоже не было, однако в моих же интересах было разделаться с этой работой поскорее.

Но когда я получила деньги на первоначальные расходы, готова была простить Савицкой многое. По моим меркам этих денег могло хватить на материалы как минимум для половины студии. Значит, можно не париться и покупать все, что понадобится. Ну и конечно, меня тоже не обидят, в этом я уверена, учитывая, как Савицкая сорит деньгами.

За сим аудиенция была окончена, и дама даже провожать меня не пошла, видимо, наступило время очередного сеанса на пути к высшему свету. Ну наверное, что-то такое, подробностей мне не сообщили.

Уже в приподнятом настроении я сбежала по ступеням вниз и застыла каменным изваянием. На пороге стоял тот самый мужчина, с которым Ветер встречался в клубе, когда я

изображала проститутку. Под тем я имела в виду уверенного в себе красавчика.

И сейчас он, кстати, тоже был уверен в себе. Стоял, покручивая на пальце брелок от автомобиля, пиджак уже был в руках домработницы, и я наблюдала, пока краски сходили у меня с лица, как он что-то говорит женщине, мягко улыбаясь.

Красивый, зараза. И сильный, поджарый, широкие плечи обтянуты идеально выглаженной рубашкой. Сейчас он обернется и задаст вопрос, какого черта тут делает проститутка. Стоп, нет, не узнает. Я без макияжа, без платья, которое открывает все тело, и с другим цветом волос.

Краски стали возвращаться на мое лицо, щеки загорели. И в этот момент мужчина перевел на меня взгляд и нахмурился. Не сурово, что радовало, скорее, удивленно и заинтересованно. И черт возьми, заинтересованно по-мужски.

Я даже сглотнула от этого быстрого взгляда, скользнувшего по моему телу. Господи, а если все-таки узнал? Иначе чего он так медленно приближается, словно хищник, готовый загнать добычу? Я снова сглотнула, отвела ногу назад, но тут же вернула обратно. Нет, отступление выглядит слишком глупо. Надо держаться.

– Аня, – обратился мужчина к домработнице, даже не повернувшись к ней, – кто это у нас в гостях?

– Это художница к Алене Дмитриевне.

Я невольно бросила взгляд на женщину, смотрела она на

меня с неприязнью, я так удивилась, что даже отвлеклась от мужчины. Когда я успела ей насолить? Или это из-за причуд хозяйки? Может, не все рады, что дама так неразумно тратит деньги?

Вот так позорно я прослушала вопрос мужчины и очутилась от того, что он приподнял мой подбородок пальцами, вынуждая посмотреть на него. Перепугалась еще больше, хлопая глазами, а мужчина вдруг рассмеялся.

– Смотрю, девушка, как и наша Алена, не от мира сего. Как зовут вас, я спрашиваю?

Я покраснела, шарахнулась в сторону, и покраснела еще больше. Боже, ну почему я такая идиотка?!

– Меня зовут Ирина, – пробормотала в итоге, поднимая на него взгляд.

Мужчина смотрел насмешливо. И был все-так же красив, да: карие глаза, обрамленные густыми длинными ресницами, точеный нос, четко очерченные губы, черные, как смола, волосы коротко подстрижены и спереди чуть приподняты. Не броско, а стильно. Как и он сам: в манере держаться, одежде, парфюме – идеальная подборка, сражающая наповал.

Видя подобного мужчину, любая здравомыслящая женщина попытается сбежать подальше, понимая, что ее сердце будет однозначно разбито.

Мне мое сердце еще было нужно, потому я отступила в сторону. Мужчина на это усмехнулся и протянул мне руку, представившись:

– Кирилл Карташов, рад знакомству, Ирина.

Мне пришлось вернуться на прежнее место, чтобы пожать руку. А еще я успела заметить, что домработница не просто хмурится, а как будто уже ненавидит меня. И тут же осенило: да она же влюблена в него!

Впрочем, это не повод ненавидеть меня. Как и любую другую, с кем сводит знакомство Карташов. И вообще, у него кольцо на пальце, и вряд ли его избранницей стала домработница.

– Что там такого интересного за моей спиной? – поинтересовался Кирилл, я снова по-дурацки захлопала глазами, переводя на него взгляд.

Попыталась что-то сказать, не придумала, что, и улыбнулась. Кирилл перевел взгляд на мои губы, склонил голову набок, и улыбку я убрала.

– Мне пора, – заявила ответственно и только поняла, что моя рука так и покоится в его. Неприлично долго и вообще, просто неприлично. Он легко ее сжал, отпуская, а я затараторила: – Всего доброго, приятно было познакомиться.

До скутера я почти бежала, ругая себя на чем свет стоит. Возле него обернулась и увидела, что Кирилл и Анна стоят у соседних окон, глядя на меня. Оба хмурились, я тоже нахмурилась и поскорее покинула дом.

Глава 4

Только когда выехала из поселка, смогла нормально сообщать. Первой эмоцией была злость на Ветра. В один момент стали понятны все его разговоры о том, что он просто пытается помочь. Ага, пытается. Только не мне, а себе.

У него какие-то дела с Карташовым, или не у него самого, а у какого-нибудь заказчика. Вот Саша и изворачивается в попытке подобраться ближе. Сам попасть в дом, видимо, не может, воспользовался ситуацией, пристроив туда меня. Я буду рядом с Кириллом, и соответственно, меня можно будет использовать. Знать бы еще, что конкретно нужно Ветру.

“Вот прямо сейчас и узнаю”, – злорадно решила я и повернула скутер в сторону улицы Пирогова.

Однако удача была не на моей стороне: Ветра дома не оказалось. Так мне заявила Инна Сергеевна, верный цербер. И конечно, когда он вернется, она не знала. Телефон Ветрова был отключен, и ничего не оставалось, как двинуть домой, тем более работы у меня было достаточно.

Нужно было наскоро закончить текущие заказы на фрилансе и заняться непосредственно йога-студией. Важно это на самом деле кому-то или нет, меня не волнует. Я получила заказ и выполню его.

Правда, перед делами слазила в интернет. По поиску “Кирилл Карташов” мне выпал сайт местной строительной ком-

пании, судя по всему, крупной. По тому, какие у них были заказы, можно сделать вывод, что Карташов не бедствует.

В описании руководства кроме него обнаружилась и Савицкая Алена Дмитриевна. Значит, это вроде семейного бизнеса? Скорее всего, заправляет всем Карташов, а наша просветленная имеет свой пакет акций. Отсюда и наличие у нее денег, которыми она так легко разбрасывается.

Еще у Карташова обнаружилась пара страниц в соцсетях, обе заброшены. Никаких фотографий и записей – ничего, что могло бы поведать об этом мужчине хоть немного.

Плюс была статья трехгодичной давности, в которой рассказывалось об открытии детского хосписа, в котором принимала участие фирма Карташова.

В общем, или мужчина не светится специально, или просто интернет-жизнь ему неинтересна.

Я запихнула в рот вилку с рагу, листая дальше интернет, и в этот момент в дверь позвонили. На пороге стоял мужчина лет тридцати в деловом костюме и с папкой в руках. Светлые волосы зализаны назад, на глазах очки в большой черной оправе.

– Добрый вечер, девушка, – как у любого торгового представителя у него оказался преувеличенно бодрый голос. – Рядом с вашим домом открылось новое отделение банка, и я хотел бы сделать вам несколько очень выгодных предложений.

– Не интересуется, – так же бодро ответила я, но дверь за-

крыть не успела, этот проныра сунул ногу между ней и дверным косяком. Надеюсь, ему было больно.

– Уверен, я смогу вас заинтересовать.

Мужчина заливался соловьем, я задумалась и допустила стратегическую ошибку: пустила его в дом. Вскоре мы сидели в кухне, на столе были разложены кипы буклетов, а я думала о своем, не вникая в то, что мужчина мне говорит. Должно же ему надоест когда-нибудь?

Когда мужчина рассмеялся, я все же обратила на него внимание, посмотрев с недоумением..

– Ирэн, – сказал он знакомым голосом, – нужно уметь выставлять за дверь тех, кто тебе неприятен.

Я только рот открыла:

– Ветер?

– Ага, – кивнул он, доставая сигареты, – честно сказать, ты умеешь быть терпеливой, мне стало скучно ждать, когда ты выставишь меня за дверь.

– А почему ты приперся ко мне в таком виде?

– Были дела неподалеку, решил заскочить. Может, чаю выпьем?

Я сложила руки на груди и улыбнулась.

– Может, расскажешь мне всю правду?

– Я хоть сейчас. Начнем с того, что я тайно в тебя влюблен.

– Смешно, – я все же щелкнула кнопкой на чайнике. – Теперь давай о менее высоком. Сознайся, что ты не по доброте душевной отправил меня писать студию для Савицкой.

– Я вроде говорил про процент.

– Саша, – я уперла руки в боки, он затушил окурок в пепельнице, посмеиваясь.

– Ладно, давай свои вопросы.

– Тебе интересен Карташов? Надеешься через меня что-то выведать о нем?

Саша поразмышлял (или сделал вид), покачивая головой, потом выдал:

– Сознаюсь, интерес есть, но рассказать о нем не могу.

– Профессиональная тайна?

– В точку.

– Кто-то им интересуется? Или Карташов кем-то, а ты собираешь информацию о нем?

– Какое слово ты не поняла: профессиональная или тайна? – спросил Ветер, принимая от меня чашку.

– Ну хорошо, – я улыбнулась, садясь напротив. – Предполагаю, что следить за ним не буду.

– А я и не просил. На самом деле, это просто удачное совпадение. Савицкой нужен художник, мне – человек возле Карташова. Не надо ходить за ним по пятам, но если услышишь что интересное, буду признателен, если расскажешь.

– А что входит в понятие интересного? Мне вот кажется, в него домработница влюблена. Это интересно?

Ветер хмыкнул.

– Предположу, что не просто влюблена, но и делит с ним постель.

– Чего? – выпучила я глаза.

– А что тебя удивляет? Ты сама говорила, что он красавчик и женским вниманием вряд ли обделен. Кстати, так оно и есть. И он активно этим пользуется.

– Но ведь он женат, – нахмурилась я.

– Вот это в наше время вообще не аргумент.

Ветер вдруг резко встал и опустился на корточки передо мной. Опустив руки на мои колени, уставился в глаза, спрашивая:

– Сознайся, Ирэн, он тебе понравился?

Я фыркнула и покраснела. От неожиданности, конечно.

– Что за глупости, – выдала в итоге, никого этим не убедив.

– Понравился, – кивнул Ветер. – А ты ему?

Я приняла возмущенный вид, качая головой. Хотя взгляд Карташова отлично помнила, и он точно был заинтересованным.

– На что ты сейчас намекаешь? – добавила в голос грозности, а Ветер поднялся и уткнулся лбом в мой лоб, обхватив меня за шею руками. Я даже испугалась немного.

– Пообещай мне кое-что, – тихо проговорил он, глядя в глаза. – Пообещай, что ни при каких условиях ни за что не поддашься искушению в виде этого мужчины.

Я растерянно моргала, не зная, что сказать на это. Не то чтобы я вообще всерьез думала о Карташове и о себе, но он определенно мне понравился. Но он женат, а я как-то не при-

выкла иметь отношений подобного рода. Следующие слова Ветра и вовсе заставили поежиться:

– Пообещай, – шептал он, не отстраняясь. – Иначе тебя ждет боль гораздо больше той, что ты уже испытала. Ты не выдержишь ее, и она тебя сломает.

Слова его, произнесенные шепотом, отдавались в моей голове набатом. Казалось, тишина сгустилась вокруг нас, плотная, непроницаемая, хоть ножом режь. Не слышно было ничего, даже наше дыхание словно испарилось из этой тишины.

И только слова Саши и взгляд были реальной действительностью, ее сосредоточением. Они проникли внутрь меня, и на мгновение стало страшно, словно я почувствовала ту самую боль, о которой говорит Саша, словно он передал мне ее через свой взгляд. Меня начала бить дрожь, Ветер это заметил и быстро отстранился. Отошел на максимальное расстояние, которое позволяла кухня, словно давая мне вдохнуть полной грудью.

– Обещаешь, Ирэн? – спросил снова, не отрывая от меня глаз.

Я немного помолчала. Не потому, что приходила в себя, а потому что вдруг подумала: мне будет трудно выполнить это обещание. Пока мы об этом не заговорили, я как-то и не думала о том, насколько мне понравился Карташов. Но сейчас выходило: очень понравился. Конечно, его брак – надёжная защита от всяких глупостей, но... Так, все, никаких но.

– Хорошо, – сказала я, вышло хрипло, я откашлялась,

поднимая на него глаза. – Но с твоей стороны было полным свинством посылать меня в этот дом, не предупредив, – я постаралась перевести тему.

Саша наверняка это понял, но противиться не стал.

– И какие эмоции ты испытала? – с любопытством спросил меня.

– В первую очередь страх, что он узнает.

– Брось, Ирэн, это невозможно. Пропасть между тобой и той проституткой непреодолима.

– И тем не менее той проституткой была я. Если бы ты предупредил...

– Ты бы нервничала еще больше, или вообще отказалась бы, заподозрив меня исключительно в корыстном умысле. Что, кстати, правда только отчасти. Ведь тебе хочется заняться студией? – Я недовольно кивнула. – Как тебе мадемуазель Савицкая?

– Производит впечатление, – хмыкнула я, – примерно, как разрыв бомбы прямо у тебя в голове.

Ветер улыбнулся.

– Дама эксцентричная, не спорю.

– У них что, семейный бизнес? – не удержалась я, Ветер вздернул бровь, разглядывая меня. Достав сигарету, закурил, после чего заговорил:

– Карташов женат на младшей сестре Савицкой, изначально акции принадлежали его жене, но в какой-то момент она передала правление в руки мужа.

– То есть он выступает от ее лица?

– Не совсем. Он является законным владельцем почти половины предприятия.

– Это несколько странно, ты не находишь?

– Почему? – Ветер удивился так искренне, что я несколько секунд недоверчиво молчала.

– Хотя бы потому, что жизнь штука непредсказуемая, если они решат развестись, его жена потеряет долю в фирме, которая принадлежала ей. Немалую, замечу, долю.

– Я и не думал, что ты способна так меркантильно мыслить, – хмыкнул Ветер, туша окурок, я поморщилась.

– Конечно, если бы дело касалось меня, – ответила ему, – я бы о таком не думала, но... Ты сам сказал, что Карташов отнюдь не верный супруг.

– Это не значит, что отношения между ними плохи. Ирэн, многие браки заключаются не по любви, а по иным соображениям. Такие браки выгодны обоим супругам, и нам остается только гадать, что скрывается за этими с виду добродетельными отношениями. Но в твоем случае, – он даже пальцем на меня указал, – я бы перестал забивать прелестную голову совершенно ненужными вещами, а занялся работой.

Сказать, конечно, было проще, чем сделать. Ветер ушел, а я так и сидела за столом, рвала принесенные им буклеты на мелкие кусочки, думая о произошедшем. Зачем Ветер нагнал жути, внушая мне мысли о боли? Обычное стремле-

ние к эффективности или что-то серьезнее? Да что может быть серьезного: Карташов меня поматросит и бросит? А я типа успею влюбиться по уши и снова буду мучиться?

За это можно точно не переживать. Если уж за шесть последних лет не влюбилась, то точно не Карташову суждено похитить и разбить мое сердце. Все уже было сделано до него.

Хотя Кирилл, безусловно, произвел впечатление. Иначе бы рядом с ним я не терялась, не краснела и не лепетала чушь. Даже не думала, что могу увлечься мужчиной настолько старше себя. Любопытные ситуации порой подкидывает жизнь.

Я отбросила буклет и со вздохом поднялась. Работу за меня и впрямь никто не сделает.

Следующие три дня я торчала дома, закрывая текущие заказы по фрилансу и набрасывая эскизы студии. На четвертый снова приехала в расчудесный замок, пребывая в волнении.

Больше, наверное, даже оттого, что встречу Карташова, чем от мнения Савицкой о моей работе. Теперь я и вовсе не знала, как меня с ним вести, потому решила уйти в глухую оборону: общаться вежливо, но холодно, и по возможности избегать встреч.

В этот раз мне повезло: Карташова не оказалось дома, и он не вернулся до моего ухода. Домработница тоже была другая, на вид строгая женщина под пятьдесят, оказавшаяся

впоследствии очень приятной и доброй.

Савицкая отмела все мои варианты, однако заметила, что в каждом есть что-то интересное. Вместе мы выбрали лучшие на ее взгляд детали, и когда я соединила их в новую композицию спустя ещё пару дней, все было решено. Я могла начинать работу. Мне казалось, выходит аляповато, но главное, чтобы заказчик был доволен. Денег мне выделили много, потому материалы я покупала, не думая о цене. Да и честно сказать, я уже сама горела работой, хотелось начать творить. Как же давно я не писала, а тут столько пространства, и все для меня. Невообразимо круто.

Однако первый день вышел неоднозначным, хотя работы это и не коснулось. Начиналось все неплохо: около десяти утра Аня проводила меня в студию, сообщив, что я могу приступать и что Алена Дмитриевна сейчас занята. Туалет был на этаже в конце коридора, на этом наше общение закончилось. Я переоделась в леггинсы и майку, поверх которой накинула рубашку, и принялась за работу.

Через пару часов Аня заглянула снова сообщить, что обед в час. Я сильно удивилась, выходит, меня приглашают за общий стол? Но все же отказалась, ответив, что ещё поработаю. Женщина настаивать не стала, молча удалилась. Савицкая, кажется, не так уж плоха при всей своей эксцентричности. Не считает меня просто рабочей силой, даже к столу позвала. Это приятно.

Ещё около часа я работала, полностью погрузившись в

процесс. Хорошо, когда никто не отвлекает и есть вдохновение. А оно у меня было. Я так увлеклась, что не сразу заметила, что в студии новый гость. Обернувшись, вздрогнула, роняя кисть на пол. Сердце учащенно забилося: на пороге стоял Карташов, сложив на груди руки и прислонившись к дверному косяку.

Глава 5

– Вы меня напугали, – я подняла кисть, кашлянув.

– Я не хотел. Приятно наблюдать за художником во время работы.

Он не спеша двинул ко мне, я переминалась с ноги на ногу, не зная, что говорить. Карташов остановился довольно близко, и глядя в глаза, продолжил:

– У тебя такой отрешенный вид, глаза блестят, и еще ты постоянно закусываешь губу.

Я только сглотнула. Мне кажется, или этот разговор меньше всего походит на ничего не значащий? Кирилл так на меня смотрит и говорит с такими интонациями, что я начинаю чувствовать себя голой. Ну правда, предостережения Ветра не помешают.

– И-извините, – я заикнулась, делая шаг назад. – Когда я пишу, то не замечаю ничего вокруг.

И в данный момент не замечаю подтекста в словах. Не замечаю, не замечаю. И выгляжу поэтому, как дурочка. Кирилл, кажется, понял, что я притворяюсь, потому что усмехнулся, дёрнув бровями.

– Почему на обед не пришла?

– Была не голодна.

Я отвернулась, решив вернуться к работе и дать таким образом понять, что занята, наклонилась за краской, но тут же

выпрямилась, поняв, что демонстрирую свою пятую точку. Даже сказать ничего не успела, Кирилл оказался у меня за спиной. Я застыла, а он проговорил на ухо:

– Значит, сейчас ты уже точно голодна. Ты ведь поужинаешь с нами, Ирина?

Его дыхание щекотало кожу, я выдохнула, подумав, что раньше такие ситуации только в кино видела: когда мужчина оказывается рядом, и его близость полностью дезориентирует. Мне всегда казалось, что это только киношный прием, безусловно, красивый и будоражающий сознание. А теперь я сама жертва этого приема: то бледнею, то краснею, и не знаю, что говорить.

– Да, поужинаю, – кивнула, не оборачиваясь, Кирилл отошёл, и я почувствовала облегчение. – Ты что-то хотела?

Я недоуменно обернулась и поняла, что слова предназначались не мне, а домработнице Ане. Неловко. Интересно, как давно она тут стоит?

– Алена Дмитриевна просила Ирину зайти к ней, – Аня явно пыталась говорить ровно, но в голосе сквозили эмоции.

– Сейчас приду, – быстро сказала я, не глядя на нее.

Даже рада была, что появился благовидный предлог смыться хотя бы из студии. Выйдя из комнаты, я потопала к кабинету, качая головой. Ситуация какая-то неприятная: я работаю в доме семейной пары, где муж гуляет направо и налево, спит с домработницей, и вроде не прочь замутить со мной. А я ещё веду себя, как кисейная барышня, держу си-

туаацию в подвешенном состоянии вместо того, чтобы дать мужчине понять, что между нами ничего быть не может.

Стукнув в дверь кабинета, я заглянула внутрь.

– Заходи, милочка, – Савицкая поманила меня рукой, – как идёт работа?

Странно, что дама даже не заглянула ни разу посмотреть. Сразу думается, что студия – просто очередная прихоть, и не настолько уж она ей нужна.

– Хорошо.

– Я подумала, зачем тебе таскаться туда-сюда? Оставайся на время работы в доме, комнату я тебе выделю, голодной тоже не будешь.

Я малость обалдела. Это она хочет, чтобы я вкалывала и днём, и ночью, что ли? Иначе с чего такие предложения?

– Не подумай, что я хочу поскорее от тебя избавиться, – Савицкая хихикнула, словно прочитала мои мысли. – Как раз наоборот, пытаюсь создать комфортную обстановку. Посмотри, какая у нас красота: бабье лето, природа, есть лодка и свой причал, опять же большой дом и сад... Мне бы хотелось, чтобы ты пропиталась энергетикой этого места и смогла передать ее студии.

Дальше Савицкая перешла на тему энергий и разглагольствовала минут пятнадцать. Я старательно делала вид, что слушаю, а сама думала: соглашаться на ее предложение или нет?

С одной стороны, проблемы как таковой не существует:

ехать мне недалеко, пробки на скутере объеду, и так я имею возможность меньше контактировать с Карташовым.

С другой стороны, он ведь интересен Ветру. Настолько, что тот пропихнул меня в этот дом. Живя здесь, я могу узнать что-то интересное или важное, ибо очевидно, что пока я работаю, вынюхивать мне некогда.

"Серьезно? – язвительно хмыкнул внутренний голос. – Ты что, заделалась в личные помощницы Ветрова? Вынюхивать она собралась".

Я шикнула сама на себя. Следовало признать, дело было не только в Ветре. То есть не только в его интересе. Был ещё мой: я хочу знать, что за дела у Саши с Карташовым. И почему Ветер отправил именно меня: действительно совпадение или была другая цель? Иначе к чему все эти разговоры о боли и искушении? Складывалось ощущение, что Ветер и в клуб меня потащил, чтобы я на Кирилла посмотрела. Хотя и непонятно, к чему все это, но у меня появится отличный шанс разобраться.

Ужин был в восемь, я переоделась и спустилась вниз, испытывая неловкость вперемешку с любопытством. Все уже были в сборе. Во главе стола сидел Кирилл, напротив него Алена Дмитриевна. Я села сбоку от нее, бросив взгляд на женщину, сидевшую рядом с Кириллом.

Сходство с Алёной Дмитриевной было очевидным, значит, это ее сестра, жена Карташова. Женщине было около сорока, худощавая, миловидная, симпатичная. Косметикой

не пользуется, не пытается скрыть возраст. Наверное, в молодости ее можно было назвать красавицей, но сейчас она выглядела поникшей, апатичной, и это портило впечатление.

Одета была в невзрачное платье, светлые густые волосы были собраны в хвост, пряди, выбившиеся из него, падали на лицо. А ещё у нее был грустный взгляд, как будто направленный в себя. Словно она не в этом мире, а в каком-то другом, и то, что ее тело находится здесь – это просто факт, с которым приходится мириться.

"Ого, – фыркнул голос внутри, – кто-то перенял ветровские замашки".

Я поморщилась, потому что с этой мыслью была согласна. Сейчас я не просто смотрела на женщину, а словно пыталась понять, что она прячет за своей маской. И мне почему-то было ее жаль, и хотелось как-то поддержать.

– Ирина, знакомься, – вернула меня в реальность Савицкая. – Это моя младшая сестра Ольга и ее муж Кирилл. Они живут в другой половине дома.

– Приятно познакомиться, – улыбнулась я, Ольга быстро улыбнулась в ответ, бросив взгляд, но вряд ли увидев меня. Кирилл усмехнулся, говоря:

– Взаимно, Ирина. Раз уж вы к нам на какое-то время, давайте перейдем на ты. В нашей семье не принято выкать.

В этот момент Аня как раз ставила передо мной стрелку, и взгляд у нее был такой, что впору было занервничать: не подсыпала ли она яд в блюдо. Я улыбнулась и ей, и Кириллу,

взяв столовые приборы, и пожелала всем приятного аппетита.

В целом ужин прошел неплохо. Я не была в центре внимания, только изредка ловила взгляды Кирилла и Ани, стоящей в стороне.

Савицкая привычно взяла беседу на себя, Карташов подержал, мы с Ольгой молчали. Она вообще, по-моему, не слышала толком, о чем речь, пребывая в своих мыслях.

После ужина я засобиралась домой, нужно было собрать вещи для переезда, Аня проводила меня до дверей, словно боялась, что Карташов перехватит по дороге. Такая назойливость напрягала. Интересно, Кирилл это замечает?

А его жена замечает, что он спит с домработницей? И есть ли ей до этого дело? По виду ни за что не сказать, что между ними есть хоть какие-то чувства. Даже дружбы не заметила, Кирилл относится к ней, как к пустому месту, а ее как будто это устраивает. Она и сама не стремится общаться с ним. Они ни раз не приглянулись за время ужина, не говорили, и ушли отдельно друг от друга. Так что, кажется, Ветер прав, их союз основан не на любви, а на какой-то взаимовыгоде.

Савицкую это, видимо, тоже устраивает, с Кириллом она общалась дружески, сестру предпочла не замечать. Странное семейство, одним словом. Если они что-то скрывают, возможно, именно это Ветер и хочет разведать.

– Ничего не знаю, – Саша улыбнулся, сделав глоток чая, достал набор для самокруток.

Сам Ветер удачно подждал меня в моем же доме, развалившись в кресле с книгой в руках. Я коротко передала ему события дня, промолчав про нюансы нашего с Карташовым разговора в студии. К делу это не относится, сама разберусь. Но вот мои вопросы остались без ответа из-за категорического отказа Ветра.

– Военная тайна, забыла? – напомнил он мне, сворачивая самокрутку.

– Вроде была профессиональная. Уровень секретности возрастает с каждым днём. А вдруг я сама узнаю?

– Что?

– То, что ты хочешь знать. Буду у них жить, а тебе ничего не расскажу. Одна буду посвящена во все их тайны.

Ветер весело рассмеялся, сунув самокрутку в рот, прикурил от спички и спросил:

– Решила заделаться в шпионки?

Ничем его не проймешь, а. Остаётся только сердито сопеть и пытаться понять, доволен он моим переездом или нет.

– Так ты хочешь, чтобы я рассказывала тебе, что происходит в доме Савицкой?

Ветер выдохнул в сторону, разглядывая меня.

– Только не сериальные страсти про обманутых домработниц. Не увлекайся, Ирэн, всегда помни, что человеческая фантазия склонна к преувеличению. Этим приемом пользуются в кино: там все действие на грани, в высшей точке своего проявления. Человека тянет к подобному, но когда он

сталкивается с этим в реальности, далеко не каждая человеческая природа способна выдержать. В этом вечный конфликт реального и вымышленного: фантазия толкает нас на поиски неизведанного высшего наслаждения, которое в итоге оказывается неподъемной ношей из-за своей безграничности и убивает нас.

Я только головой покачала, нет бы сказал просто: меньше выдумывай, больше опирайся на факты. Ему же надо во всем отыскать глубинные смыслы. Сам лучше бы на факты опирался, он же детектив, в конце концов. Хоть и странный. Я хихикнула этой мысли, Ветер дернул бровью, но комментировать не стал. Затушив окурочок, поднялся со словами:

– Мне пора, будем на связи.

Проводив его, некоторое время я пялилась в окно. Как бы Ветер ни отшучивался, дело все же было нечисто. Что-то ему точно нужно, только что? Компромат на Кирилла? Чистосердечное признание в незаконных делах? Это точно не ко мне.

Тогда что? Что я могу найти или узнать эдакого, находясь в загородном доме Карташова и Савицкой? Ответа не было, зато желания докопаться до истины – хоть отбавляй. Будет ли этому рад Ветер, не знаю, но я определенно не прочь покопаться в семейных тайнах.

Утром я вылезла из такси с небольшим чемоданом с вещами. Аня встретила меня, демонстрируя холодную неприязнь. Не удивлюсь, если она уверена, что я перебралась к

ним, чтобы замутить с Карташовым. Ну, он мне действительно нужен, только для других целей. И слава богу, что этот факт никому в голову не приходит.

Моя комната располагалась на втором этаже в крыле Савицкой. Судя по всему, типичная гостевая: кровать, шкаф, кресло и тумбочка. Ничего лишнего.

– Ванная и туалет находятся в конце коридора, – пояснила Аня, – две последние двери. Кроме вас на этаже никто не живет. За стол обычно собираются в одно и то же время, – она перечислила часы, я только молча кивала. – Если что-то поменяется, я сообщу. Есть какие-то вопросы?

– Нет, спасибо, все понятно, – я дружелюбно улыбнулась, но Аня осталась холодна, кивнув, удалилась, а я, переодевшись, отправилась в студию.

На обеде были сестры Савицкие и я. Кирилл, судя по всему, на работе. Я надеялась быстро поесть в тишине, но Елена Дмитриевна завела разговор об абстрактном, отчего аппетит стал пропадать. Я решила поменять тему, если уж мне тут все равно жить какое-то время, я не хочу сойти с ума от эзотерического бреда.

– У вас очень красивый и необычный дом, – заметила Савицкой, когда появилась возможность.

– О, у него богатая история, – дама с удовольствием подхватила тему, а я вздохнула с облегчением. – Дом построил наш прадед. Он был фанатом рыцарства и имел деньги, то есть мог позволить себе подобную причуду: построить дом,

похожий на рыцарский замок. Дед вырос тут и обожал этот дом, вкладывал в него средства, чтобы держать на плаву. А вот мой отец, напротив, относился к дому как к дорогому и ненужному чудачеству. Он сбежал отсюда, как только появилась возможность. Во времена его молодости земля тут еще не стоила миллионы, – Алена Дмитриевна хихикнула, – это был небольшой пригородный поселок с маленьким ларьком и щебенкой вместо дорог. Захолустье, несмотря на то, что до города рукой подать. Наверняка он бы избавился от этого дома, если бы к моменту смерти деда земля не взлетела в цене. И было ясно, что она будет только расти. В итоге рыцарский замок стал летней дачей, ухода за ним было мало, он обветшал и требовал ремонта. Я была влюблена в него с детства, с удовольствием проводила здесь каникулы. В нем удивительная энергетика, мистический дух, будоражащий сознание. В общем, как только смогла, я занялась его восстановлением и сразу переехала сюда жить.

– Здорово, – сказала я и повернулась к младшей Савицкой: – Вам тоже нравится этот дом, Ольга?

Ольга вскинула на меня одновременно удивленный и недоуменный взгляд. словно сам факт того, что к ней обратились, был чем-то невероятным. Савицкая, кстати, тоже такого не ожидала и нахмурилась, глядя на сестру. Той пришлось выдавить улыбку и ответить:

– Дом безусловно прекрасный.

Она продолжила есть, давая понять, что разговор окон-

чен. Да уж, сестры в общении просто земля и небо.

– А вы могли бы мне его показать? – повернулась я к Алене Дмитриевне. – Когда у вас будет свободное время.

– Конечно, милочка, – Савицкая улыбнулась, и я поняла, что эпизод с Ольгой не сыграл роли в ее отношении ко мне. – В один из вечеров я проведу тебе экскурсию.

Я благодарно кивнула, никак не ожидая, что эта тема внезапно всплывет во время ужина. Я сидела и пялилась в тарелку, чувствуя на себе взгляды вернувшегося с работы Кирилла. Слава богу, Савицкая болтала без умолку, Ольге было привычно плевать на происходящее, а к Анинуму взгляду я уже успела привыкнуть.

Оставалось только пережить Кирилла, потому что каждый раз, когда я поднимала глаза, натыкалась на него. Мужчина смотрел насмешливо, но только этим и ограничивался: то есть в беседу не вовлекал. Я уже надеялась, что все так гладенько и кончится, но тут Алена Дмитриевна высказалась о моем интересе к дому.

Кирилл перевел на меня взгляд, и я забормотала:

– Как художнику мне интересно посмотреть на дом такой постройки.

Карташов вздернул бровь, но ничего не ответил. Савицкая же продолжила:

– Но только не сегодня. Совсем не тот настрой.

– Я могу показать, – заметил Кирилл, а я подавилась и закашлялась.

– Ты ничего не знаешь о нем, – хмыкнула Савицкая, даже не догадываясь, что спасает меня. – Тут в каждой комнате история моей семьи.

– Я бы с удовольствием послушала, – я изобразила восторг, Кирилл усмехнулся и, качнув головой, продолжил есть.

В общем, учитывая такое внимание к моей скромной персоне, я сочла разумным провести остаток вечера в комнате. Мучила книгу, но сосредоточиться было сложно. Этот дом – определенно детище Савицкой, она в него влюблена, вбухала кучу денег, чтобы восстановить.

А вот Ольге дом как будто до фонаря. Однако они обе живут здесь, хотя что мешает поселиться в городе, где не надо будет терпеть чудачеств старой эзотерической девы и притворяться, что тебя все устраивает? Это ну очень странно.

Около десяти я отправилась в ванную. Она находилась в конце коридора, скорее всего, стену, разделяющую половины дома, построили как раз по приказу Савицкой, чтобы отделить жилплощадь одной семьи от другой.

Есть в этом умысел или просто они пытались таким образом не мешать друг другу? Сестры не ладят, не общаются, Ольга вообще ведет затворнический образ жизни, при этом у нее красивый и успешный муж, с которым она тоже толком не общается. Почему они вместе? На чем держится их брак? И почему сестры не разъедутся, если им так некомфортно? В конце концов, если дом принадлежит обеим женщинам, Ольгина часть никуда не денется, если она не будет тут жить.

Да, я определенно чего-то не понимаю.

Помывшись, я надела пижаму и, забросив вещи и полотенце на плечо, вышла в коридор. Где через мгновение оказалась прижата к стене горячим телом Кирилла.

Глава 6

Это было так неожиданно, что я упустила момент, когда нужно было реагировать. А потому в полной мере ощутила прикосновение тела к телу, запах туалетной воды и дыхание на своей коже.

– Ты пахнешь до одурения сексуально, – прошептал Кирилл мне на ухо, окончательно обезоруживая.

Это было так странно, слишком странно. Если не считать наши последние столкновения с Вадимом, я и не вспомню, когда последний раз ходила на свидание и уж тем более оказывалась с мужчиной настолько близко. С мужчиной, который меня привлекал вопреки всем запретам. Возбуждение вспыхнуло внизу живота и поползло по венам, мешая думать.

– Хочу тебя с того момента, как увидел, – Кирилл большим пальцем провел по моим губам, заставляя тяжело выдохнуть, а потом склонился еще ближе к моему лицу.

Сопrotивляться было невозможно, но вдруг вместо Кирилла я словно увидела Ветра, и тот его пугающий взгляд, когда он рассказывал про искушение. И это согнало пелену на несколько секунд, которых хватило, чтобы пролепетать сквозь сбившееся дыхание:

– Я не могу... Не могу так. Простите.

Толкнула мужчину в плечи и понеслась в комнату, поте-

ряв на ходу полотенце и одежду. Но мне даже в голову не пришло остановиться и собрать их. Более того, я закрылась на ключ и только после этого выдохнула.

Прижалась ухом к двери, но за ней было тихо. Вряд ли Кирилл бродит по коридору, понял же, что я не хочу того, что он собирался предложить. Нет, ничего предлагать он не собирался. Как истинный самец собирался прийти и взять, словно его тут ждут с распростертыми объятиями.

Черт, я ведь сама создала о себе подобное впечатление, бляяла, как овца. Но я не такая, не такая. Больше подобной ситуации я не допущу. Ветер оказался прав: искушение сильное. Как Кирилл меня прижал, как смотрел, что говорил – разве можно устоять перед таким мужчиной, красивым, сильным, уверенным в себе? Вот и Аня не устояла, невзирая на всю безнравственность поступка: Кирилл ведь женат.

Для Ани просто женат, а для меня женат и спит с домработницей. Преступление с отягчающими, блин. Нет, я буду сильной и научусь пресекать попытки меня соблазнить.

Я решительно выглянула в коридор, с облегчением выдохнув, когда никого не нашла, собрала вещи и вернулась в комнату. Больше не буду об этом думать, я все проанализировала и решила. Я просто лягу спать, а утром продолжу работать.

Ага, конечно, еще часа два я металась в кровати, то коря себя, на чем свет стоит, то предательски возбуждаясь от воспоминаний и коря уже за это. Клиника на лицо.

Короче, с утра настроение было не очень, завтрак я решила пропустить, чтобы не дай бог не столкнуться с Кириллом. Остервенело работала, пока Светлана Сергеевна не позвала на обед.

Савицкой не было, зависла в каком-то энергетическом потоке, наверное, ели мы с Ольгой, и за обед не было произнесено ни слова. Я кидала на женщину взгляды, но она тупо смотрела перед собой, делая вид, что меня не существует. Когда Светлана Сергеевна забирала ее тарелку, в гостиной зазвонил телефон.

– Я отвечу, – Ольга быстро вышла из кухни, я передала домработнице свою тарелку и отправилась в студию.

На входе в гостиную остановилась, увидев Ольгу. Она стояла возле маленького столика, прижав трубку стилизованного под старину телефона к уху. Женщина была блее полотно, и рука с трубкой заметно дрожала. Ольга словно силилась что-то сказать и не находила слов, а через мгновение рухнула в обморок.

Я бросилась к женщине, подняла трубку: в ней шли короткие гудки, – положила на аппарат, а потом аккуратно хлопала Ольгу по щекам. Черт знает, что в таких случаях делают. Лучше позвать домработницу. Но она появилась сама, бросилась к нам, опускаясь на колени, спросила:

– Что случилось?

– Ольга потеряла сознание. Такое раньше случалось?

И тут женщина открыла глаза, сначала взгляд был неви-

дящим, но через пару секунд стал осмысленным.

– Ольга Дмитриевна, вы в обморок упали, – причитала домработница, помогая ей подняться и усаживая на диван. – Как себя чувствуете?

– Все нормально, Света, – Ольга вымученно улыбнулась, а я сбегала на кухню за водой.

– Спасибо, – Ольга сделала несколько глотков. – Голова закружилась, ничего страшного.

– Вам кто-то звонил по телефону, что-то плохое сказали? – спросила я.

Ольга перевела на меня взгляд, показалось, в нем мелькнул страх. Но следом женщина снова улыбнулась, качая головой и отпивая еще воды.

– Номером ошиблись. А мне просто стало плохо от духоты.

Я кивнула, едва заметно нахмурившись. Душно в доме не было, во-первых, не то время года, во-вторых, кондиционеры. Но расспрашивать специально не стала. Уверена, она мне соврала. Ей не стало плохо, кто-то ей что-то сказал, и она так отреагировала.

Но рассказывать не хочет, значит, что-то нечисто. Как бы узнать, кто ей звонил? Попросить Ветра, он сделает распечатку звонков. Вариант. Что вообще мог значить этот звонок? Ольга что-то скрывает? Чего-то боится? Прячется в загородном доме, не светится в городе, ведет затворнический образ жизни. Что, если для этого есть серьезные причины?

Кирилл появился в студии, когда я уже собиралась идти переодеваться к ужину. Весь ночной аутотренинг полетел к чертям, и я тупо замерла, глядя на него и ожидая каких-то слов.

– Как прошел день? – улыбнулся мужчина.

– Нормально. Работала. Твоей жене было плохо.

– Да, я знаю, – он быстро нахмурился, непонятно, почему: из-за обморока или того, что я специально выделила слово жена. – Я хочу извиниться.

О боже мой, боже мой. Вроде все правильно, почему же мне так стыдно?

– Я не должен был идти на поводу у своих желаний, – продолжил Кирилл. – Прости, я проявил слабость в угоду себе, а должен был подумать о тебе.

– Да... Спасибо.

Что вообще говорят в подобных ситуациях?

– Хочу загладить свою вину. Уважаю твои принципы и предлагаю дружбу.

Он улыбнулся, а я уставилась на него во все глаза, ища подвох. Кирилл это сейчас всерьез? Дружбу? Мне? После того, как прижимал к стене и грозился осчастливить?

Ну так-то, ничего же в итоге не случилось. Он взрослый мужчина и, конечно, умеет делать выводы из ситуаций. Мы действительно можем дружить. Ну не прямо дружить – просто дружелюбно общаться. Так, перекидываться парой слов

без скрытых сексуальных подтекстов, пока я тут живу. А потом я все равно уеду, и вряд ли мы вообще увидимся.

– Да, друзья... Почему нет, – я выдала улыбку.

– Скоро в городе выставка известного художника, – продолжил Кирилл, подходя ближе и доставая из кармана буклет. – Подумал, тебе будет интересно. У меня есть два билета на закрытый показ перед открытием выставки. Еще обещают афтепати, где с самим художником можно будет поболтать.

– Очуметь! – выдала я, взяв буклет. – Я собиралась пойти, но конечно, не вот так... Это просто супер, правда. Откуда у тебя эти билеты?

– Знакомый подогнал, – Кирилл уже не улыбался так широко, только уголки губ были приподняты, но разглядывал меня с интересом. – Не против, если я составлю тебе компанию? По-дружески.

Я бросила на него испытующий взгляд. Есть подвох или нет? Ну вообще-то, он, может, и сам собирался пойти, а тут меня пригласил с собой. Я должна быть благодарна, а не подвохи искать. Это мероприятие, где будет полно людей, бояться мне нечего.

– Да, конечно, – я снова улыбнулась, глядя на него.

– Здорово. Ладно, скоро ужин, пойду переоденусь.

Он ушел, а я еще постояла посреди студии, тихонько пища от восторга. Вот это бомба – вечеринка с крутейшим художником!

Ольги за ужином не было, я видела, как Светлана Серге-

евна понесла еду на подносе наверх.

– Ольга все еще плохо себя чувствует? – спросила Савицкую.

– Ей уже лучше, – ответил за нее Кирилл, – но она решила сегодня отлежаться.

– Может, надо было вызвать доктора?

– Это очень мило с твоей стороны – такая забота о моей жене, – он улыбнулся, запуская в рот вилку с куском мяса, а я почувствовала, что краснею. Словно Кирилл уколол меня такой постановкой фразы, выделив слово жена, как я в прошлый раз. – Но с ней действительно все хорошо.

Я кивнула и продолжила есть, когда тарелки опустели, Савицкая предложила:

– Милочка, если все еще есть желание, могу показать тебе дом.

– Я с удовольствием, – тут же закивала я, мне и правда было интересно взглянуть, к тому же делать все равно нечего.

Целиком мы осмотрели только первый этаж и подвал, не разделенные стеной. Часть подвала была передана под паркинг, часть под кладовую, а ещё был настоящий винный погреб. Это, пожалуй, оказалось тут самым интересным. Выяснилось, что коллекционер Кирилл, я этому не удивилась. Ольга не проявляет интереса к жизни, а Савицкая слишком одухотворенная личность, чтобы коллекционировать алкогольные напитки.

На первом этаже ничего интересного не было, да и боль-

шую часть я уже видела. Второй этаж был оставлен Савицкой для гостей, здесь было несколько одинаковых комнат, в конце коридора ванная с туалетом.

– У вас часто бывают гости? – спросила я, когда мы поднимались выше.

– Сейчас нет. Когда я только переехала, то постоянно устраивала вечера, но наше так называемое светское общество быстро мне надоело. Оно занято перемыиванием костей и походами по магазинам, а я тогда стала интересоваться духовной стороной. Естественно, нам стало неинтересно друг с другом, я отправилась путешествовать, а когда вернулась, то общаться с этими людьми не захотела. Впрочем, наличие денег до сих пор делает меня желательным гостем в обществе. На третьем этаже находится моя комната, – без перехода продолжила Савицкая, – кабинет, студия и библиотека. Ее начал собирать еще мой прадед, так что некоторые книги имеют огромную ценность. И цену, – хмыкнула она. – Хочешь взглянуть?

– Конечно!

Библиотека действительно была достойна того, чтобы сказать о ней отдельно. Большая комната, видимо, пришлось разрушить стену, чтобы объединить две, была заставлена стеллажами под самый потолок. Книг было очень много, и некоторые такие старые, что было заметно невооруженным глазом.

– За библиотекой следит отдельный человек, – пояснила

Савицкая. – Книги вещь хрупкая, сама понимаешь. Некоторые старинные экземпляры пришлось упаковывать в современные чехлы, обрабатывать страницы, чтобы не рассыпались. Раз в месяц сюда приезжает сведущий человек и просматривает состояние библиотеки.

Отсюда мы вышли минут через пятнадцать, потому что я конкретно так зависла. Книги – это круто, а старинные – вообще чума. Некоторые даже в руки брать страшно, не то что листать. Это так странно осознавать, что вот эту книгу читал какой-то человек больше ста лет назад. Нереал.

– А дом всегда был разделен на две части? – спросила я, когда мы вышли из библиотеки, Савицкая недовольно повела плечом.

– Нет. Стену поставили после реставрации. Точнее, это не стена... – она отдернула висящую плотную штору из бордового бархата, за ней обнаружилась дверь. Теперь понятно, как Кирилл попал на мой этаж. Он не боялся, что его заметят, потому что прошел через вот такую дверцу.

Савицкая задернула штору, продолжая рассказывать:

– Изначально я планировала оставить дом в первозданном виде, но когда уезжала путешествовать... Нужен был человек, который за всем бы здесь присмотрел. Можно было кого-то нанять, но Ольга вдруг изъявила желание пожить тут. Я не протестовала, в конце концов, дом тоже ей принадлежит, и так будет надежней, чем просто человек со стороны. В итоге, когда я вернулась, Ольга не захотела съезжать. Но

мы не особенно дружны, плюс каждому необходимо личное пространство, потому было решено разделить дом пополам таким образом. Если убрать двери, то снова получится один большой коридор, таким образом, дом по факту не изменен.

– Для вас это важно, да? – спросила я, двигая за Савицкой в сторону лестницы.

– Может, это и глупо, но да, – она пожала плечами. – Этот дом важная часть моей жизни, и мне хочется, чтобы он оставался таким, каким я его помнила в детстве.

– Тогда двери – это удачное решение. Они закрыты?

– Да, но ключи есть у всех членов семьи. На всякий пожарный случай, – она хмыкнула, останавливаясь у ступеней. – А теперь самое интересное: башня.

В башню вела узкая винтовая лестница, поднимаясь по которой я почувствовала себя героиней мистического фильма. Дело в том, что света там не было, и Савицкая зажгла масляную лампу, которую несла на вытянутой руке, пока мы медленно поднимались. Ее слова об особой атмосфере этого дома сейчас как никогда были актуальны, если бы я тут лазила в детстве, получила бы море впечатлений.

Лестница привела нас в круглую комнату под крышей башни, но тут меня ждало разочарование. Кажется, это была просто кладовая, в которой хранился всякий хлам. Пол и столы покрыты пылью. По периметру громоздились коробки, короче, если у комнаты и была атмосферность, она была низвергнута старыми вещами.

– Тут все захламлено, – заметила Савицкая очевидное. – Хочу разобрать, да руки не доходят. Это вещи нашей семьи.

Пока я осматривалась в тусклом свете лампы, Савицкая вытащила фолиант и опустила его с размаху на стол, отчего поднялся пыльный столп, и я звонко чихнула.

– Семейный альбом прадеда, – с гордостью выдала Савицкая.

Непонятно, правда, почему я должна была восхищаться, ведь он не был известной личностью. Однако послушать про семью Савицкой было интересно, хотя я бы предпочла сделать это в более комфортном месте, например, в ее кабинете или в гостиной на диване. Ну уж точно не в тусклом свете масляной лампы и клубях пыли. Тем более, что одним прадедом не ограничилось, следом были дед и отец, и у последнего фотографий было не так уж и мало.

– Это наша мама, – Савицкая ткнула пальцем в фото женщины около тридцати, провела пальцем по ее волосам, словно погладила. – Умерла, когда рожала Ольгу. Началось кровотечение, врачи не смогли помочь. Папа безумно ее любил, так и не женился больше.

– Это сильно, – кивнула я, не зная, что сказать.

Личное горе оно на то и есть личное, мало кто может повлиять на эмоции того, кто его переживает. Уж точно не я, малознакомая нанятая на время художница.

– Ну не то чтобы у него не было женщин, – вздохнула Елена Дмитриевна. – Но они все не дотягивали до мамы, так он

говорил. Правда, одна все-таки сумела его очаровать.

– И все равно не сложилось?

– Несчастный случай, она погибла. Отец тяжело переживал ее смерть. На тот момент прошло пятнадцать лет, как мамы не стало, внушительный срок, да? Он позволил себе снова полюбить, хотел жениться, и вот трагическая случайность оборвала все планы. Он снова замкнулся в себе, и больше не пытался строить отношений. Так и жил до смерти один... Что ж, – Савицкая закрыла альбом, улыбнувшись мне. – Думаю, экскурсию можно считать законченной. Идем. – Она взяла лампу, и мы двинули на выход. – Кстати, заходила в студию, все выглядит точно так, как я представляла. Ты прекрасно выполняешь работу, Ирина.

– Спасибо, – я улыбнулась, поняв, что она просто не хочет больше говорить о семье. Мы покинули комнату в башне, Савицкая закрыла ее на ключ, и на третьем этаже мы расстались.

В свою комнату я входила с опаской, хотя мы с Кириллом вроде и договорились о дружбе. Никого не было, я успокоилась и, приняв душ, легла в кровать и уставилась в потолок. Кажется, я ни на шаг не приблизилась к пониманию того, что происходит между членами этой семьи. Ветер будет разочарован. К тому же работаю я куда быстрее, чем разведываю обстановку. Надо замедлиться, что ли, а то скоро мне придется покинуть этот странный замок ни с чем.

Легла я рано, проснулась, соответственно, тоже. Умыв-

шись, спустилась вниз, но никого не обнаружила. Уместно будет самой сварганить поесть? Или лазить в холодильник мне не полагается? Домработница должна быть где-то тут, она подскажет. Я села на диван в гостиной, вытянула ноги и стала ждать.

Когда в доме стоит такая тишина, то все выглядит немного зловеще. Замок он и есть замок: то восхищаешься великолепием, то пугаешься тишины и выдумываешь страшилки. А что, сейчас вполне могло бы что-то упасть за моей спиной. Я бы обернулась и никого не увидела. Медленно поднявшись, вглядывалась бы в пространство, громко спросила бы: “эй, есть здесь кто-нибудь?” – и когда никто бы не ответил, успокоила бы себя, повернулась, чтобы снова сесть, и тут...

Телефон громко зазвенел возле меня, я подскочила, чувствуя, как заколотилось сердце. Черт! Сама себя запугала так, что руки дрожат.

Наверное, состояние повлияло, я сняла трубку, не подумав, что это неуместно.

– Да? – спросила хрипло, сердце успокоилось в груди, но пульс в висках все еще стучал быстро.

– Будьте добры Ольгу, – голос прерывался шипением и постукиванием, я даже не могла понять, кто говорит: мужчина или женщина. Зато вспомнила прошлый звонок, когда Ольга грохнулась в обморок, и выдала:

– Это я.

Не знаю, на что я рассчитывала. Ведь если человек на том

конце знает Ольгу, то поймет, что я не она. И тогда мне придется объяснять всей семье, какого черта я творю.

– Тебе не говорили, что бросать трубки невежливо? – хмыкнул голос и тут же саркастически продолжил. – Хотя о чем это я... Ты же убийца, тебе можно все, да?

Глава 7

Я нервно сглотнула, сжимая трубку. Если уж меня проняло, неудивительно, что Ольга в обморок грохнулась. Особенно, если слова, произнесенные на том конце провода, не беспочвенные обвинения.

– Вы кто? – спросила я, специально понизив голос, чтобы он не был узнаваемым.

– Возмездие, – прошипели в ответ, и тут на лестнице раздались шаги, я резко положила трубку и отскочила к окну. Сделала глубокий вдох и выдох, приходя в себя, а потом обернулась, натягивая улыбку. В гостиную спустились Кирилл и Светлана Сергеевна.

– Я отнесу ей завтрак, – как раз говорила домработница. – Может, вызвать врача?

– Нет, – отрезал Кирилл, заметив меня, улыбнулся. – Ирина, доброе утро. Не спится?

– Да вот... – кашлянула я невразумительно.

– Я сейчас сделаю завтрак, – засуетилась Светлана Сергеевна, – только отнесу еду Ольге Дмитриевне.

– Конечно, не спешите, я подожду.

Пока Светлана Сергеевна в кухне собирала на поднос завтрак, а потом, пройдя мимо нас, поднималась по лестнице, мы оба молчали, словно сговорившись. Это было как-то неправильно, потому что подсознательно я была согласна с

тем, что лучше не вести разговоров при домработнице. То есть лучше бы мне вообще с Кириллом разговоров не вести, но уж если приходится... Мне все еще кажется, что кто-то может обратить внимание на мое поведение и неверно его расценить.

– Плохо спалось? – поинтересовался Кирилл, когда шаги затихли.

– Нет, все хорошо. Просто рано легла, выпалась.

– А я думал, привидения мешали.

– Э... – я неуверенно хмыкнула. – Привидения?

– А что, Алена не рассказывала? Тогда жди еще один увлекательный экскурс. Если что, она называет их энергетическими потоками душ, которые видны человеческому глазу из-за их мощи. Правда, вот беда, видеть их могут только избранные.

Я изумленно хлопала глазами, не зная, как реагировать на эти слова. Что за бред?

– Кирилл злорадствует, потому что не входит в число этих избранных, – услышала голос Савицкой. Обернувшись, увидела саму даму, заходящую в гостиную.

– Да, это такая большая потеря для меня, – не остался он в долгу.

Я бы, наверное, посмеялась этому диалогу, только что-то было совсем не смешно. Савицкая прошла в столовую и тут же начала болтать, так что тему привидений или энергетических потоков, кому как больше нравится, пришлось оста-

вить.

Я хотела вклиниться куда-то, но Савицкая не оставила шансов, а когда она наконец замолчала, говорить о странном диалоге было неуместно. В итоге я плюнула на эту тему, Кирилл явно относится к привидениям скептически, а если их видит только Савицкая, то меня это и вовсе не касается.

Куда больше мне был интересен телефонный звонок от неизвестного. Вот о нем я и думала, работая в студии. Это наверняка тот, кто звонил вчера. Ольга упала в обморок, я повесила трубку, то есть оборвала разговор. И он решил позвонить с утра.

Почему так рано? Хотя... Савицкая обычно спит допоздна, Кирилл уезжает на работу. А неизвестному невдомек, что Ольга в сильном стрессе не встает с постели. Она вполне могла в тот момент быть в гостиной, не зря же завтрак для нее уже был готов. Выходит, звонивший осведомлен о ее графике? Или действовал на удачу?

И сказал, что она убийца. Как и вчера? Она сильно испугалась, значит, обвинение не ложное. Ольга знает за собой грех... Не могу представить, чтобы она могла кого-то убить. Внешность у нее милая и отрешенная. Впрочем, это ничего не значит.

Моя подруга убила своего любовника, неважно, какова была подоплека, важно, что это случилось. Что в ее жизни был момент, когда она решала, имеет ли право лишить человека жизни или нет, и решила, что может.

Кого могла убить Ольга? И почему? Она богата, если бы ее шантажировали, легко могла откупиться. Или уехать куда-нибудь подальше, если все серьезно. А она спряталась в поселке, который находится в десяти километрах от города. И спряталась так... условно.

То, что она не выходит из дома, не значит, что о ней никто не знает. Найти ее не составит труда. Нет, она однозначно не прячется. Если только... от себя? Убила кого-то и немного тронулась головой. А что, такое возможно. Отсюда отрешенный вид, погружение в собственный мир, побег от реальности. У нее действительно есть деньги, чтобы откупиться. От других, но не от себя.

А теперь кто-то угрожает ей возмездием за совершенное преступление. Узнала она этого человека? Сложно сказать, если в трубке так же шипело и свистело, как при разговоре со мной, можно предположить, что звонивший как раз старался сделать так, чтобы его голос был неузнаваем.

Я покивала своим мыслям, перевела взгляд на стену и поняла, что уже минут пятнадцать стою с кистью в руках, так и не сделав ни одного мазка.

– Черт, – выругалась я. – Так не пойдет.

Помыла кисть и побежала в комнату. Ветер ответил на первом же гудке, словно ждал моего звонка. Я посчитала это везением.

– Нужна помощь, – я прошла к окну и выглянула во двор, он был пуст.

– Слушаю.

– Мне нужна распечатка звонков домашнего номера Савицкой. Конкретно интересуется вчерашний день около часа и сегодняшний около девяти утра. Входящие звонки.

– Боюсь спросить, чем ты там занимаешься? – хмыкнул Ветер.

– Расскажу, как увидимся. Кстати, как насчет сегодня? Скажем, часов в девять вечера у меня дома. Сможешь?

– Думаю, да.

– Можешь приехать пораньше и встретить меня с чашкой чая, – пошутила я. – А еще мне нужен набор отмычек.

– Как все серьезно, – голос Ветра сквозил насмешкой. – А ты умеешь ими пользоваться?

– Надеялась, ты меня научишь.

– Так, я понял, ты полна энтузиазма докопаться до всех истин сразу. Встретимся в девять у тебя, я жажду знать, что ты раскопала.

Остаток дня я провела, как на иголках. На работе было не сосредоточиться, я тупо торчала в студии, делая вид, что тружусь. Впрочем, меня никто не проверял. Савицкая куда-то уехала на весь день, Ольга не показывалась, даже на обед и ужин не вышла. Кирилл тоже не было, задержался в городе. Я встретила его машину на въезде в поселок, откуда уехала на такси, клятвенно пообещав вернуться утром.

Квартира встретила меня темнотой и тишиной. С минуту я постояла на пороге, прислушиваясь, потом зашла в ком-

нату и зажгла свет. Ветер лучезарно мне улыбнулся, часто моргая.

– И где мой чай? – прищурилась я.

– На столе.

Мы прошли в кухню, оказалось, Саша и впрямь расстался: тут и заварник, и сливки в специальном кувшинчике.

– Разве у меня такой был? – указала я на него пальцем.

– Нет, принес с собой. Кстати, хочу оставить в твоей квартире, ты не против?

Я уставилась на него с улыбкой.

– Ветров, ты вообще умеешь подарки дарить?

– Я вроде говорил, что подкатывать к девушкам – это не мое.

Я рассмеялась.

– Если кувшинчик со сливками – это твои подкаты, то да, ты обречен. Узнал насчет звонков?

Ветер не спеша налил нам чай, потом достал набор для самокруток и принялся крутить сигаретку.

– Порадовать тебя нечем. Оба звонка совершены из телефона-автомата, причем с разных концов города.

– Серьезно? – удивилась я. – Я думала, они уже сто лет не работают.

– В целом, так и есть. Большинство переломаны, и чинить их не спешат. Но есть несколько рабочих. Вообще-то, карточки для них продаются в газетных киосках, но пока никто из продавцов не сознался, что продавал их последнее время.

Мои люди поспрашивали и народ на улице, никто ничего не видел. Камер вокруг нет. Ты довольна?

– Твоей работой – конечно, – улыбнулась я, – как всегда обстоятельно. Спасибо.

Ветер дернул бровью, засовывая самокрутку в рот. Прикурив, выдохнул дым в сторону и спросил:

– Может, поведаешь, что там у тебя творится?

– Вчера Ольге Савицкой кто-то позвонил, и она потеряла сознание. А сегодня звонок повторился, только трубку сняла я.

– Дай угадаю, – хмыкнул Ветер. – Представилась Ольгой?

– Точно. И получила обвинение в убийстве и обещание возмездия, – я сделала несколько глотков чая, пока Ветер задумчиво курил, глядя перед собой. – Ольга точно не приняла это за дурацкую шутку, – продолжила, устав ждать от него слов. – А это значит, что она могла действительно совершить убийство.

– И ты решила ее рассекретить?

– Конечно.

– Я думал, ты занята тем, что расписываешь студию?

Я недоуменно похлопала глазами.

– Я думала, ты именно этого и хотел: чтобы я нашла что-то интересное.

– Я хотел, чтобы ты расписывала студию, присматриваясь к обстановке вокруг. А не лазила с отмычками по чужому дому, напоминающему причуду чокнутого фанатика рыцарей.

– Но если я не буду лазить, мы не узнаем правду.

Мы с Ветром поиграли в гляделки, потом он качнул головой, туша окурков.

– Ладно, оставим пока без комментариев твои слова о нас и наших желаниях узнать правду. Просто любопытно, каков твой план?

– Порыться в вещах Ольги. Дом разделен на две части, но между ними есть дверь, она заперта, что даже хорошо. Вряд ли кто-то решит, что я брожу по дому, взламывая замки. Есть шанс остаться незамеченной.

– И что ты планируешь найти? Дневники с кровавыми описаниями? Фотографии трупов?

Я допила чай и громко отставила чашку.

– Я поняла, ты считаешь мою затею дурацкой. Но надо ведь с чего-то начинать, разве нет?

– Точно. Например, попросить меня покопаться в ее жизни. Возможно, нет там никаких страшных историй, и мы быстро найдем объяснение этим звонкам.

Я вздохнула. Рациональное зерно в его словах имеется, чего уж спорить.

– Ладно, – нехотя согласилась. – Но отмычки все же оставь.

Саша хмыкнул, но положил на стол набор отмычек на брелоке.

– Попросишь провести мастер-класс по специальности домушник? – спросил насмешливо.

– Точно. И кстати, он будет бесплатным.

В дом Савицкой я вернулась к десяти утра и не застала никого, кроме Анны, которая сообщила мне, что Алена Дмитриевна уехала по делам и, смерив холодным взглядом, удалилась. Об остальных сказано не было, и дело действительно не мое, но когда в сумочке лежит набор отмычек, а сам ты полон решимости лазить по чужим комнатам... В общем, я ненавязчиво поинтересовалась в спину домработнице:

– А Кирилл с Ольгой дома?

Анна обернулась, смерила меня еще одним холодным взглядом и ответила:

– Кирилл Александрович и Ольга Дмитриевна уехали рано утром.

Я улыбнулась и потопала к лестнице, чувствуя возбужденность. Судьба явно на моей стороне. У меня есть отмычки, и в первое же утро никого из жильцов не наблюдается. Разве это не намек на то, что нужно действовать безотлагательно? Когда еще выпадет такая удача, что Ольги не окажется дома? Вот именно.

Быстро переодевшись, я минут пятнадцать рисовала в студии. Анна не появлялась, видимо, завтрак мне не будет предложен, не зря поела дома. Я спустилась на второй этаж и тихо затрусилась в конец коридора. Отмычки лежали в заднем кармане и сильно выпирали, но девать их было некуда. Отодвинув штору, я стала подбирать подходящий ключ, то и де-

ло оглядываясь.

Не знаю, как люди вообще занимаются подобными делами, я лично вспотела целиком, и голова начала болеть от напряжения. Еще чертова дверь никак не поддавалась. Дома я практиковалась и свою наострилась открывать за пару минут, а тут ничего не получалось. В итоге я провозилась минут десять, успела отчаяться и снова собраться, тогда-то дверь и поддалась.

Коридор второго этажа был идентичен моему, что неудивительно, раз дом был разделен после ремонта. Я тихо крадась, дергая за ручку каждой двери, и все они были заперты. Видимо, хозяева живут выше, а утруждать себя уборкой гостевых комнат не считают обязательным. Вывод: гостей семейная чета к себе не приглашает.

На лестнице я прислушалась, снизу доносились женские голоса, наверное, Анна болтает с поваром. Отлично, у меня еще есть время. Первая же дверь на третьем этаже оказалась открыта. Я зашла в комнату и огляделась. На супружескую мало похоже, скорее, здесь живет только женщина.

Слева широкая кровать, застеленная светлым пушистым пледом, рядом тумба и светильник на ней. Возле него книга “Семь секретов счастливой жизни”. Я усмехнулась, вздернув брови. Сильно сомневаюсь, что в Ольгином случае книга поможет.

Напротив кровати стоял туалетный столик, заваленный косметикой, в основном крема и маски. То есть Ольга все

же не махнула на себя рукой, вон сколько средств ухода. Рядом расположился комод, возле окна шкаф. Поодаль от него дверь, ведущая в санузел.

В принципе, комната создавала приятное впечатление, мебель подобрана со вкусом, хорошее цветовое оформление. Правда, тяжелые шторы я бы раздвинула, чтобы пустить внутрь солнечный свет. Я заглянула в шкаф и комод, вещи только женские, на раковине стаканчик с одной зубной щеткой в нем. Очевидно, Кирилл в этой комнате не частый гость.

Значит, они живут отдельно друг от друга, и их брак фикция. У Кирилла своя жизнь, до которой Ольге нет дела. Вопрос: так было всегда, или в начале отношений были чувства, но с годами прошли?

Я порылась в вещах, слезила в дальние углы комода, порыскала на полках, но не нашла ничего, что могло бы скомпрометировать Ольгу или хотя бы дать намек на то, кто ей звонит.

Следовало признать: Ветер был прав, не самая удачная идея. Я тихо вышла из комнаты, постояв в коридоре, уже собралась идти на лестницу, но потом развернулась и прошла к следующей комнате.

Она тоже была открыта, и сразу понятно, что в ней живет Кирилл. Мужской стиль, серые тона, минимализм, строгость. Есть шанс, что порывшись в его вещах, я найду что-то интересное?

Ответа на этот вопрос не нашлось, потому что в следую-

щее мгновение открылась дверь ванной и показался сам Кирилл. Все, что на нем было – это полотенце, намотанное на бедра.

Я почувствовала, как краснею, при этом не могла отвести взгляда от мужчины, рассматривая сильное подкачанное тело. Несмотря на возраст, Кирилл держал себя в отличной форме, и прямо сейчас я оценивала ее воочию. Мокрые взъерошенные волосы, капли воды на плечах, загорелая кожа... Черт, черт, черт!

– Ирина? – Кирилл вопросительно вздернул брови, замерев на месте, а я наконец вернулась в реальность.

– Я... – негусто... Но придумать, зачем пришла, я не могла. Ни одной причины. Что неудивительно, потому что их просто нет и быть не может, этих причин. Давай же, Ирина, хоть что-нибудь... – Я слышала, что ты пришел. Хотела спросить... На выставку нужен дресс-код?

Кирилл кинул очередной взгляд, понятно, вопрос дебилный, но это лучше, чем ничего, так ведь? Мужчина тем временем приблизился, я сглотнула, делая шаг назад, потом еще один, пока не уперлась спиной в стену. Так, сейчас проползу до двери и смоюсь, плевать.

– Думаю, можно надеть платье, – заметил Кирилл, я кивнула, он сделал еще пару шагов и оказался слишком близко.

Я подняла голову, чтобы смотреть ему в глаза, а не на тело, ибо это еще испытание. Впрочем, в глаза не легче. Они у него такие красивые, с длинными черными ресницами, и

взгляд, от которого тело охватывает дрожь, а кровь по венам течет быстрее. Кирилл уперся ладонью в стену возле моей головы, склоняясь еще ближе, наши губы разделяли считанные сантиметры. Сердце стучало в голове набатом, горло пересохло.

– Я ничего не сделаю против твоей воли, Ирина, – тихо сказал Кирилл мне в губы, взгляд его блуждал по моему лицу, а тяжелое дыхание заставляло кожу гореть. – Но если ты захочешь, нам будет очень хорошо. Я обещаю, ты не пожалеешь.

Глава 8

Тело среагировало на эти слова, размякло, потянулось навстречу мужчине. Пульс в голове стучал лихорадочно, заставляя мысли окончательно запутаться. Я хотела продолжения. Хотела поддаться искушению, которое было сейчас передо мной.

Я почти ощущала прикосновения рук и губ, картинка была такой реальной и желанной, что меньше всего хотелось бороться с ней. Хотелось поддаться, закрыть глаза и нырнуть навстречу бушующему внутри урагану. Я слабовольно уступила, приоткрывая рот, когда Кирилл наклонился еще ближе.

И в этот момент дверь со стуком открылась.

– Кирилл... – Аня не договорила, застыв на пороге комнаты.

Я испуганно уставилась на нее, внутри все заметалось, но это было бесполезно. Полуголый Кирилл, я у стены, и наш почти поцелуй – увидеть что-то другое просто невозможно.

– Выйди, – коротко бросил Кирилл, переведя взгляд на Аню, от его голоса веяло таким холодом, что я бы на месте домработницы поежилась. Она же только кивнула и тихо закрыла дверь.

Господи, что я творю? О чем вообще думаю? Даже без обещаний, данных Ветру, так поступать нельзя. Мы в доме,

полном людей, в соседней комнате жена Кирилла, он спит с домработницей... Все то, что я уже не раз себе повторяла, так?

– Какой кошмар, – прошептала я, выныривая из-под руки Кирилла.

– Ирина...

– Не надо, – я выставила вперед ладонь, качая головой. – Это была ошибка, ясно? Я так не могу. Как бы ты... – я замолкла, чуть не сказав, как меня привлекает Кирилл. Выдохнула, собираясь с мыслями. – Для меня это неприемлемо. Прости.

Я выскочила из комнаты, не дав ему ничего ответить. Боже, я отвратительная. Просто отвратительная. Иду на поводу у своих желаний, осуждаю других, а сама поступаю ничуть не лучше. Даже хуже! Потому что они принимают себя такими, как есть, а я делаю вид, что не такая. А на деле именно такая...

Я затрясла головой, прикрыв лицо руками, и наконец осознала, что мне в этой части дома вообще не место, в любой момент меня могут застукать, и тогда придется опять что-то врать.

Я тихо потрусилась к лестнице, чтобы спуститься на этаж, но как только туда завернула, моя рука оказалась в захвате. Не успела я толком испугаться, как Аня толкнула меня к стене, я болезненно приложилась плечом и поморщилась. Отлично, вляпалась по полной.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.